

Влад Савин

КРАСНЫЕ КАМНИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Владислав Олегович Савин

Красные камни

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Морской волк», книга 17

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43126787

В. Савин. Красные камни: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116534-5

Аннотация

«Красные камни» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». Победа в войне – лишь этап на пути строительства коммунизма, без ошибок, допущенных в СССР нашей истории.

Но что делать верным приверженцам линии Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, когда внутри страны-победителя, счастливой советской державы, прорастают новые-старые идеи истинности пути и даже самой конечной цели? Если во главе группы молодых энтузиастов встанет кто-то взрослый, опытный, и убежденный противник «сталинской диктатуры».

Теперь битва пойдет не за всеобщее счастье, и не просто за победу над врагом, а за умы молодежи, ведь Сталин понимает, что не вечен...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

165

Влад Савин

Красные камни

© Влад Савин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова – за очень ценные советы и критические замечания;

Михаила Кубрина – за советы и дополнения к тексту;

Читателей форума Самиздат под никами *Библиотекарь*, *Old_Kaa*, *HeleneS* и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги;

Товарища Н.Ш. – он знает за что;

И конечно же, *Бориса Александровича Царегородцева*, за давшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю, и посвящаю эту книгу своей жене *Татьяне Аполлоновне* (в девичестве *Курлевой*) и дочери *Наталье*, которые не только терпимо относятся к моему занятию – но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

Пролог

За три года до описываемых событий.

Москва. Март 1950 г.

В квартире было двое. Мужчины, уже в годах, но крепкие и бодрые. Один был в полувоенном, «под вождя» — а впрочем, в СССР сейчас многие донашивают военную форму и на гражданке. Второй — в костюме с галстуком, на лацкане партийный значок. За окном опускались сумерки, падал мокрый снег.

— Ну здравствуй, Андрюха! — сказал тот, кто был в штатском. — Сколько ж не виделись? Черт, а ведь почти сорок лет как знакомы, с тринадцатого года! Сколько нас таких еще осталось — большевиков, с дореволюционным стажем? Белых вместе рубали, после, как в песне, тебя на Запад, меня на Дальний Восток, последний раз когда виделись — тридцать седьмой, Испания, под Теруэлем. И вот сегодня, это надо же! Служба?

— Она самая, — кивнул его собеседник, — только старой дружбе не помеха. Как в прошлый раз я в Москве был, тогда уже я про тебя спрашивал, где ты и что, — но встретиться не сложилось. Ну а ты, Вить, лишь с этого года в центральном аппарате?

— Ну да! С войны на войну — после фронта снова на Дальний Восток, так в Харбине застрял. А там остатков белогвар-

дейщины полно, причем и таких, кто с японцами не просто активно сотрудничал, а в набеги на нашу сторону ходил в тридцатые. А как их хозяев разбили, так все стали за СССР. Ну, и пришлось нашему ведомству разбираться, кто искренне, а кто камень за пазухой затаил.

– А ты, я вижу, преуспел, раз в центр перевели, – усмехнулся военный. – Тогда, не в службу, а в дружбу, как я тебе когда-то в Испании помог: я здесь совсем недавно – где был раньше, не скажу, поскольку подписку давал, намекну лишь, что очень далеко, – и вот, снова Москва; так проясни неофициально, какая сейчас текущая политическая линия и кто есть кто и на каких постах? Чтоб легче ориентироваться. Без всяких секретов – то, что я бы и сам узнал, но со временем, успев уже дров наломать и шишек набить. Только, уж прости, вопрос деликатный – здесь чисто, слежки нет? Понимаю все – но как-то неприятно, между своими.

– Ну, за кого ты меня держишь? – хохотнул штатский. – Это моя личная квартира, для особых встреч. В столичных наркоматах, тьфу, министерствах, порядок все тот же – с одиннадцати-двенадцати работа, в шесть можно свалить, кто в театр едет, кто в ресторан, кто по бабам, в десять как штык быть снова на месте, вдруг Сам позвонит, что-то спросит, так что бдим, ну и за полночь домой. В этом самом доме, двумя этажами выше, живет моя любовница, как все считают – так что сейчас я вроде как у нее. А на черную лестницу выйти с кухни, спуститься, и вот я здесь. Живет тут инженер

один, которому я негласно поспособствовал эту квартиру отдельную получить – с условием, что я тоже буду иногда этой жилплощадью пользоваться. Так что он сейчас в кино, а мы здесь. Однако позволю спросить, а зачем такая конспирация? Могли ведь и в «Арагви» посидеть культурно.

– Привык, – ответил военный, – особенно попервости. Не зная пока дозволенных границ. Забыл, что ли, как не так давно за обычный разговор можно было загреметь далеко и надолго? И предмет деликатный – вот, например, если сидят вот так же на кухне Тухачевский с каким-нибудь Гамарником или Якиром, и выскажет кто-то, что наш вождь неправ, это ведь можно под заговор подвести? Кстати, вполне справедливо – поскольку и настоящие заговорщики, ясное дело, никаких бумаг писать не станут, а лишь такие вот слова в неофициальной обстановке.

– С этим сейчас полегче, – сказал штатский, – законность блюдут. Упрощенно говоря, если ты чист, то и тебя не тронут. Лично мне кажется, что даже Сам сообразил, что один ум, даже гениальный, это хорошо, но много умов все же лучше – естественно, когда «мы тут посовещались, и я решил». Но иные мнения даже приветствуются – опять же, во-первых, исключительно между своими, не для масс, а во-вторых, на этапе обсуждения, пока к делу еще не приступили. Учти, что у нас тут даже не социализм вроде, а второе издание нэпа – и дело не только в том, что артели, кооперативы и, конечно, колхозы наличествуют, это и в тридцатые было.

А в том, что Сам открыто объявил, что частная собственность, нажитая своим трудом (как в артелях), вовсе не является эксплуататорской и подлежащей искоренению – то есть сосуществование ее с собственностью общенародной вполне законно. Опять же, если в дозволенных пределах – ясно, что завод Уралмаш или ГАЗ никто тебе во владение не отдаст, а вот какое-нибудь кафе, или пошив одежды, или даже авторемонтную мастерскую – это пожалуйста. Да и мелкосерийное производство – причем даже таких вещей, как фотоаппараты или радиоприемники. Есть тут свои тонкости, касаемо фондов, распределения прибыли, налогов и найма сторонней рабочей силы – но ими Финансовая служба занимается, не мы.

– Это ОБХСС так сейчас переименовали?

– Не только название. Там задачи другие, круг шире. Не только хищение социалистической собственности, но и претензии тех же частников между собой. А также внешнеэкономическая деятельность – вот с этим геморрой! Поскольку монополия внешней торговли сейчас, ну ты же знаешь, на соцстраны не распространяется – так что какой-то фирмач из ГДР или Народной Италии должен лишь лицензию получить, и вези к нам свое, покупай наше! Или совместное предприятие, вроде как на «Москвиче» сначала «фольксвагены» делали, ну и все бабы знают «дом русско-итальянской моды», а это не только подиум с манекенщицами, но и собственное производство. Но все это предмет отдельный и нас

лишь краем касаемый. А вот что во власти творится, тебе надо знать подробнее. Да ты вина налей, не стесняйся, чего натошак говорить!

Налили. Выпили. Закусили бутербродами с колбасой.

– Вот ты знаешь, какая служба у нас самая высшая? – продолжил штатский. – Не мы. И не вы, ты ведь под погонами ходишь, я угадал? Но выше всех Партийная безопасность. Контора новая, но очень зубастая – ее уже в разговоре «инквизицией» зовут. Говорят, что Киев сорок четвертого, ну когда там первого Украины под вышак за связь с бандеровцами, это уже их работа была. Главный там Пономаренко – который в войну главноначальствующим над партизанами был. А сейчас ходят слухи, что его Сам в преемники готовит – правда или нет, сказать не берусь. Но если и так, то наш Лаврентий Палыч тоже в курсе – по крайней мере, ни о каких терках с его стороны сведений нет. Еще молодые резко поднимаются – Косыгин, Мазуров, Машеров, ну про армию ты, наверное, и сам знаешь. А правой рукой у Пономаренко некая Лазарева Анна, это вообще уникум, поскольку попала туда, когда ей было едва за двадцать. И совершенно не за то, о чем можно подумать, – слышал я, что это она тогда в Киеве очень удачно выступила, ее заметили, и не прогадали. И она же жена Лазарева с Северного флота, того самого Адмирала Победы.

– Я слышал, флотские сейчас у Самого в фаворе, больше чем армейцы?

– Да нет. Это не фавор, а что-то другое. Вот не смейся... а, ладно, это ведь слухи, о чем в коридорах шепчутся иногда, и я об их неразглашении подписки не давал? Очень намеками – что они к нам то ли с Марса попали, то ли из потустороннего мира, а больше всего – что из будущего. Лично мне один высокопоставленный товарищ по пьяни разболтал, что ему достоверно известно, подлодку К-25, что на Севере весь немецкий флот на ноль помножила, а затем еще и в Средиземном море отметилась и, ну тут не проверено, против японцев в сорок пятом – не только ни на одной нашей верфи построить не могли, но и на любой другой в этом мире. Прибыли они к нам откуда-то – а откуда, неясно. Разговоры ходят и про «коммунистический Марс», и про шаманов из Аркаима, и прочие поповские бредни – *дозволенные* разговоры, которых никто не запрещает.

– Дымовая завеса? «Где лучше спрятать лист – в лесу», – у какого-то их детективщика читал.

– Андрюха, ну ты же знаешь, я попам не верю и в церковь не хожу. Пока сам господь бог передо мной не явится и лично мне потусторонний мир не покажет. Но есть среди бредовых версий одна, что многое объясняет. Ты не смейся – но когда материалистические объяснения заканчиваются, приходится наиболее вероятные из прочих искать. Так вот, слух был, что они к нам из будущего прибыли – а что, вдруг там наука таких высот достигла, что и временем управляет, ведь еще недавно считалось, что атом неделим? И решили

они нам помочь – и войну выиграть, и всякие трудности предупредить. Знаю доподлинно про якутские алмазы – что их в сорок третьем не открыли, а уже на указанное место геологи шли. Так же и про нефть в Дацине – когда нефтехранилища начали строить еще до разведочного бурения, очень сильно время там поджимало. А засуха и неурожай сорок седьмого года – ну откуда кто-то мог заранее знать, что Алтая и Забайкалья она не коснется и там надо обеспечить, чтоб ни колоска не пропало, под снег не ушло – и меры были драконовские, прям как на бандеровской Украине, по соблюдению дисциплины и порядка. Как, например, собранное зерно в полиэтилен запаивать и газом заполнять – и не дай бог не выполнишь по разгильдяйству. Причем завод в Барнауле, что упаковку эту делал, запускали в сорок шестом в авральном режиме, как в войну. В Ашхабаде учения по гражданской обороне с эвакуацией населения объявили как раз накануне, как потрянуло, причем войска с инженерной техникой прибыли за неделю до того. Про научно-технический прогресс промолчу – не спец я, и трудно там различить, что привнесено, а что естественным путем, быстро развивается сейчас наука. А кадровые решения, очень часто оказывающиеся очень удачными, – вот как знал кто-то, что человек на своем месте будет. И это дело на поток поставлено – есть такие особые списки, в основном интеллигенция научно-техническая, но и прочие фигуры попадают, – и кто туда внесен, им мало того что предписано обеспечивать тепличные условия для

роста, но даже при прегрешениях арестовать нельзя без дозволения «инквизиции», не МГБ, не ЦК и даже не Совета труда и обороны. Причем, опять же, есть сведения, что «инквизиторы» имеют какие-то особые отношения с флотом, а еще более конкретно – с СФ. На сем умолкаю – выводы делай сам.

Молчание на пару минут.

– Интересная картина, – наконец произнес военный, – и страшноватая в чем-то. Это ведь как ленд-лиз выходит их помощь – военная, научная, техническая. Когда цели наши и капиталистов совпадают. А под эту лавочку втихую можно и иное провести – например, погоны, министерства вместо наркоматов, с попами дружба, и частная собственность, оказывается, дозволена, если трудовая – артелей развелось, как и при нэпе не бывало. Андрюха, скажи, мне одному кажется, что милиция в новой форме на царских городских стала похожа? Даже быт у людей другой – про коммуны никто уже и не заикается, зато отдельная квартира стала идеалом, к которому надо стремиться, ты лишь работай хорошо. Детей раньше на лето в деревню к родне вывозили – а теперь собственные дачи дозволены, по закону от сорок седьмого¹. А много ли в наше время было личных автомашин? Причем партия наша смотрит на это нормально. И даже дискуссии дозволены – пока сугубо среди своих, но подожди, скоро и

¹ В нашей истории, закон о садово-огороднических товариществах, 1949 год. –
Здесь и далее примечания автора.

до масс дойдет. Тебе все это ничего не напоминает?

– Положим, в тридцать седьмом мы бы так не болтали, – усмехнулся штатский, – так ты к чему клонишь? Что эти, из будущего, если наше предположение верно, нам вовсе не друзья, а союзники? Попутчики, на тот момент времени, а вот дальше – это вопрос? Так ведь о том, чтоб узду ослабить, еще задолго до них движение было – и выборы с множеством кандидатов, и больше власти Советам, Конституция тридцать шестого была вершиной. Ну, а дальше пошел откат.

– За Робеспьерами приходят Бонапарты, – сказал военный. – Да, было. И от кого исходило тогда, забыл? А теперь снова зерно упало, в подготовленную почву. У нас ведь ничего не делается просто так – культ Победы, празднование, даже парад теперь не на Первомай, а Девятое. Ради того же – ведь Советская армия, что брала Берлин, это уже не РККА, в которой мы служили когда-то, не передовой вооруженный отряд мирового пролетариата, а официально армия Советской державы. «За веру, царя, Отечество» – «За Родину, за Сталина, за КПСС». И даже тут – держава и идея поменялись местами. Но если Победа – то значит, и новый курс верен? За Робеспьерами приходят Бонапарты – и знаешь, на мой взгляд, самое подлое, что там, у французов, контрреволюции не было. А когда Бонапарт провозгласил себя императором Наполеоном, никого из его прежних сподвижников назад в простонародье не выпихнули – все они с радостью стали графьями и баронами, забыв про свое прежнее «ли-

бертэ, франшитэ, эгалитэ». Так же как и народ – что тогда было аналогом собственных дач и машин? Забыли лишь Революцию – но нам-то какое дело, мы ведь уже выбились наверх, из грязи в князи?

– Андрюха, вот не пойму, ты на что намекаешь? – спросил штатский. – Ну да, слышал я уже тут, по углам – «Красная империя», от отдельных товарищей. А геноссе-камрады и Самого, не стесняясь, красным кайзером зовут. И что – думаешь, он решит себя и в монархи?

– Он – нет! – усмехнулся военный. – Хотя, положи руку на сердце, вот если бы решился, многие бы выступили против? Но раз он этого не сделал – хотя, тут уж прости, но моя циничная натура говорит, сам он и так по факту имеет все, но вот стоящего наследника у него нет, чтоб династию создать, и зачем тогда корона? Проще уж, как Петру Первому, в завещании «отдать все» – кому? А вот тут перспективы рисуются самые тревожные... Если названные выше товарищи пришли из будущего, то какой у них строй? Ведь и монархисты могут быть патриотами, что мы и видели после Победы, уж если сам Деникин пенсионером в Крыму доживал, милостливо прощенный. В сорок третьем тут в Москве дело «Януса» было, ты должен знать. Был товарищ с явными заслугами в Гражданскую, которого сам Дзержинский именным оружием наградил – по биографии, из крестьян Виленской губернии, что под поляками, сам из германского плена вернулся в восемнадцатом, в РККА с того же года, затем

в ЧК и ГПУ, контру давил старательно и с умом, дело свое делал хорошо, высоко не лез, в игры не вступал, оттого даже тридцать седьмой не только пережил без вопросов, но даже и взлетел выше, на освободившееся место. А оказался, как разоблачили, кадровым офицером германского Генштаба, засланным с дальним прицелом, чистокровным немцем фон каким-то. Хотя напомним и повторю, в Гражданскую и после нам несомненную пользу принес – ну кто ему беяки?

– Ох, Андрюха, чую, втягиваешь ты меня... Вот не был бы ты моим дружбаном с тех времен...

– То арестовал бы меня по обвинению в заговоре. Сам-то ты веришь, что я был и остаюсь истинным коммунистом?

– Вообще, про твою «гибель» под Теруэлем тогда тоже всякое говорили. Тела не нашли – без вести пропал.

– Ну, было бы странно, если бы я в прежней ипостаси объявился в некоей стране за океаном? А так, «товарищ Пабло» геройски погиб, ну а некий мистер, севший на пароход в Лиссабоне через два месяца, это совсем другое лицо. Мне тебе рассказывать, как делается такое и зачем?

– Но все же... Знаешь, Андрюха, лучше про такое вслух не говорить.

– А придется. «Если ты не хочешь заниматься политикой – то политика займется тобой». Если я вдруг окажусь прав – что тогда?

– Ну а от меня-то ты что хочешь? Информацию я тебе уже дал. Кстати, мне уже скоро надо исчезнуть отсюда.

– Бойся данайцев, дары приносящих. А еще вспомни про бесплатный сыр, что лишь в мышеловке бывает. Товарищ Сталин не вечен – ты рожу не криви, понимаешь ведь, что бессмертием наша наука еще не овладела, а он с какого года, восемьсот семьдесят девятого? И когда ему срок настанет, кто на его место придет и куда поведет – а вдруг одними погонами не ограничится? Мне, как истинному коммунисту, не все равно! А если решат, что и заводы в собственность, и землю с крестьянами, «ради исторических традиций»? Или все же к ленинским нормам вернемся и с заданного Ильичем курса не сойдем.

– Ты ж понимаешь, решаем не мы. Не я. И не ты. У нас звездочек на погонах не хватает.

– Так я ж не предлагаю тебе ничего такого. А просто чтоб ты подумал. Когда Сам займет место в Мавзолее, на чьей ты будешь стороне? А пока мне нужна информация про «данайцев». Особенно – что касается их политического курса.

– Только та, что ко мне попадет по службе. Класть голову под топор не стану, уж ты прости!

– В двадцатом на польском фронте ты был смелее. Ладно уж. Возможно, за сведениями приду не я. Тебе скажут – от Странника. Значит, это один из нас.

– Так у вас уже и Организация есть? Ну, Андрюх, ты меня прямо в заговор втягиваешь!

– Я Странник, братишка, а не... Нет уже того шебутного хлопца в буденовке и с шашкой наголо, усек? И про товари-

ща Пабло забудь. Коммунист я, был им и остаюсь. Всяко побольше, чем иные, кто о Красной империи мечтает!

Куба, Гавана.

8 августа 1953 г.

Отчего этот райский остров еще не штат США?

Этот вопрос был поставлен шестьдесят лет назад – когда Куба, последняя из колоний Испании в Новом свете, встала на путь свободы и демократии. Носителями которой выступили вовсе не забытые крестьяне с сахарных плантаций и заводов, а гринго с севера – владельцы этих плантаций и заводов. Испанские власти посмели задать этим достойным джентльменам постыдный вопрос, отчего они, ведя свой бизнес на территории под испанской юрисдикцией, не желают платить налоги в испанскую казну, как это делают законопослушные испанские плантаторы? Причем гринго обнаглели настолько, что содержат вооруженные наемные банды из всякого сброда, именуемые «охраной» – которая не только бьет лентяев, не желающих работать, и убивает смутьянов, призывающих к неповиновению, но и встречает пулями испанских полицейских и сборщиков налогов. Имейте совесть, джентльмены – Куба пока еще не штат США!

– Не штат США? – ответили гринго. – Окей, сейчас мы это исправим.

И взорвался на рейде Гаваны американский броненосец «Мэн», как было тут же заявлено в Вашингтоне, от испан-

ской торпеды. Правда, когда спустя много времени до корабля добрались водолазы, то оказалось, что листы обшивки у пробоины в корпусе загнуты наружу, из чего следует, что взрыв был внутренним – ну значит, подлые испанцы как-то сумели подложить бомбу в пороховой погреб, и вообще, это уже история, ведь Куба давно стала свободной? Но не штатом США – ведь тогда хозяевам плантаций пришлось бы платить налог уже в американскую казну, а правительству США нести какие-то обязательства перед населением. Бесспорно, Соединенные Штаты были тогда самой передовой страной – до европейцев лишь через полвека дойдет, что чем нести все издержки по содержанию колонии, лучше взвалить их на местную суверенную власть, оставив себе одну доходную часть бюджета, недаром же «Юнайтед Фрут» в разговоре зовут министерством колоний США. И зачем нам выступать кровавыми палачами, отрубленные руки черных детей, как делали бельгийцы в Конго, это слишком дурно пахнет. США же всегда были оплотом свободы – для святого дела революции найдутся идеалисты вроде Хосе Марти (кому сейчас памятник в Гаване стоит, мертвый он уже не опасен), и, пожалуйста, не надо писать в анналы, что большую часть работы сделали уже упомянутые банды «охраны плантаций», вмиг перекрасившиеся в «кубинских повстанцев», пусть электорат верит в легенду о славной национальной революции (которую вполне назвали бы «оранжевой», случись она столетием позже). Ну, а что при суверенитете творит с народом

местная «горилла», мы не отвечаем. «Сукин сын – зато наш сукин сын, благодаря которому у каждой американской семьи на столе дешевые бананы (или иной фрукт). И господь затем и сотворил границы, чтобы мы не страдали от бедствий по ту сторону». Ну а что горилла, как бы ее ни звали, твердо знает, кто ее хозяин и чью руку дозволено лишь лизать, но не кусать, – это навсегда останется между нами.

Старая Гавана еще помнила прежние колониальные времена – дома в староиспанском стиле на бульваре Прадо, городская Ратуша, старинный католический собор, крепость Ла-Реаль-Фуэрса, монастырь Санта-Клара. Но вставали уже кварталы современных высотных отелей (пожалуй, их и небоскребами можно назвать). Куба приобрела у богатых американцев огромную популярность во времена «сухого закона», всего полсотни миль от Флориды, и полная свобода, пей и гуляй. Богатым гринго было совершенно невместно надираться до усрачки в портовых кабаках, и очень быстро появилось все необходимое для райской жизни – отели, бордели, казино, рестораны, кинотеатры, а также магазины, ателье, больницы, автомастерские – абсолютно все, что может потребоваться небедному американскому туристу. Даже если он не миллионер – приехать сюда на уик-энд было вполне доступно и среднему классу.

Кто был владельцем этого богатства, кто имел с него доход – ну конечно, не кубинцы. А очень серьезные люди из Штатов – и не только те, чьи конторы на Уолл-Стрит. Подобно то-

му, как «сухой закон» и контрабанда спиртного дали гигантский толчок развитию американской мафии, так и гостиничное дело на Кубе показалось лакомым куском для тех из «донов», кто поверил в «американскую мечту». Впрочем, «не спрашивайте, как я заработал свой первый миллион» – отцы-основатели финансовых империй, вроде Моргана и Рокфеллера, в начале своего пути расправлялись с конкурентами совершенно в духе незабвенного Аль Капоне, не прибегая к помощи судов и адвокатов, а в другой совсем стране в девяностые будут говорить «лох тот бандит, кто не хотел бы стать бизнесменом». Оттого на дне бухты Гаваны лежали трупы, обутые в цемент, и стреляли иногда на бульваре Прадо, как в Чикаго, – но к началу пятидесятых все было уже обговорено, поделено и устоялось, каждая из сторон знала, что нарушать договор выйдет себе дороже. Ну, а кубинцы должны быть благодарны – из кого гринго набирали персонал, не из Штатов же везти? И по числу качественных автомобильных дорог и выработке электричества (что на душу населения, что на единицу территории) Куба сравнялась с Европой – правда, кубинской провинции, куда туристы не заглядывали, это не коснулось совершенно, ну так народ там сотни лет жил без всего этого и не роптал.

Стояли на рейде корабли ВМС США, пришедшие с дружеским визитом. Шлялись по набережной толпы пьяных американских моряков, приставая ко всем встреченным сеньоринам. Шумел какой-то то ли праздник, то ли карнавал.

А в одном из отелей, на шестнадцатом этаже, за закрытыми дверями собрались серьезные люди – и вышколенная охрана (свои, не местные) была строжайше проинструктирована, чтобы никто не помешал. Даже вздумай приехать сюда сам Батиста, президент Кубы, в сопровождении всей кубинской полиции, его бы не пустили.

– Дыра! – сказал первый из джентльменов. – Дождь каждый день. И это курорт?

– Здесь это часто, с мая по октябрь, – ответил второй, – зато сервис на высшем уровне. Забываешь, что ты не в Лас-Вегасе. А какая кухня – лучшие повара, каких наша фирма сумела на этом острове разыскать. Или вы сегодняшним проигрышем в казино недовольны – так что для вас полсотни тысяч?

– В казино ходят не для того, чтобы выиграть, а затем, чтоб получить адреналин, оставив за это деньги, – усмехнулся его собеседник. – Однако мое время стоит дороже, чем эти жалкие полсотни. Мне послезавтра встречаться с президентом, что я ему предложу?

– За этим мы и собрались, – сказал третий джентльмен. – Айк все ж остался слишком генералом, а не политиком. Искренне верит, что тут как в армии, отдашь приказ, тут же исполнят. Не учитывая всяких обстоятельств. С братьями Даллесами иметь дело было проще.

– Беда всех политиков, – вступил четвертый джентльмен, – решить, что ты не просто власть, а абсолютная власть.

Которой виднее всех, что надо делать. И перейти дорогу не тем людям, разрушить их игру...

– Я с самого начала предупреждал, что черноморская акция ни к чему хорошему не приведет, – буркнул второй джентльмен. – Кто настоял на принятии к исполнению плана, составленного если не самим Алланом, то кем-то из его последователей? Благодарите бога, что удалось в значительной степени перевести стрелки на британцев и заставить их расплатиться по нашим счетам.

– Положим, мы даже остались в выигрыше, – сказал первый, – если Средиземное море – это пока еще английская зона охоты. И ослабить конкурента чужими руками... Всего лишь поддержка советской позиции в ООН, а еще насчет передачи макаронникам доли в Суэцком канале. Который, я надеюсь, мы в будущем заберем. Суверенный Египет, национализация и панамизация, а отчего нет?

– Пока что выгоду получили русские и макаронники, – произнес четвертый, – и про ливийскую нефть все подтвердилось. Как про Дацин.

– У вас особое отношение с «Датч Шелл», так какие вопросы? – удивился третий. – Буду удивлен, если завтра на ливийских нефтепромыслах не начнутся пожары, взрывы и все последствия от набегов повстанцев. Сделать эту чертову нефть не благом, а проклятьем итальяшек. Или война, и сплошные расходы и потери, без прибыли – или мир, и мы в доле. Уж вам-то не привыкать.

– Не получится, – угрюмо ответил четвертый, – «повстанцам» очень не понравилось, что англичане выдали их главу, этого Мухамада Идриса. Утрутся, конечно, когда поймут, что без друзей плохо – но время! А нам очень помешала та идиотская инициатива самого Айка – могли бы и в стороне остаться, а атомная бомбежка зачем? Вдобавок итальяшки напустили на «наших» повстанцев своих прикормленных дикарей – в пустыне сейчас творится такое, кочевники режут друг друга и пленных не берут.

– Джентльмены, напомним, что мы собрались здесь обсуждать не проблемы дикарей, – сказал первый, – налицо два срочных вопроса. По моей информации, его святейшество папа покинет наш земной мир в течение ближайших месяцев. В связи с чем возможны изменения в отношениях между коммунистами и Ватиканом. О нет, джентльмены, это вовсе не операция наших парней из Лэнгли или кого-то по их воле. А сугубо божий промысел – скажем так, моим доверенным людям удалось добыть сведения о здоровье этого почтенного человека столь же почтенного возраста, семьдесят семь лет все ж немало².

– А на его место желательно продвинуть я догадываюсь кого, – произнес второй. – И что его высокопреосвященство хочет от нас? Как обычно – денег?

² Тут джентльмен ошибается. В нашей истории папа Пий XII умер 9 октября 1958 года, то есть ему отмерено еще пять лет. Но медицинские прогнозы бывают очень ненадежны!

– И этого тоже, – кивнул первый. – Выборы папы – это все та же избирательная кампания, исход которой в значительной степени зависит от рекламы. Понятно, что мы очень мало можем влиять на то, что происходит в коммунистической зоне – но уж за Латинскую Америку, где позиции католической Церкви сильны, мы вполне можем быть ответственны. Да и Франция, Испания – тоже в нашем игровом поле. Ну и, конечно, нашему избирателю тоже будет очень полезно внушить, что предназначение Америки – это спасти мир от безбожного коммунизма, и ради этой цели можно потуже затянуть пояса.

– У красных тоже есть пропаганда, хотя бы в образе этой итальянской девки, – ответил второй. – Когда люди видят на обложке журнала, как она, одетая как леди, садится в свой автомобиль, трудно убедить электорат, что коммунисты желают отобрать всю собственность, загнать всех в колхозы и заставить ходить строем, в униформе «ватник».

– Наш месье Фаньер убедительно доказал, что она была любовницей русского всесильного министра Берии, а то и самого Сталина, – заметил третий, – потому ей дозволено всё.

– А вы бы поверили в любовницу-мусульманку у папы римского? – ответил второй. – И ее пример не единственный, хотя и самый характерный. Ее именем уже не только в Италии – в Аргентине новорожденных девочек все чаще называют.

– Вот это безобразие здесь, в Гаване, продают, – заметил третий. – Если это не коммунистическая пропаганда, то что? – он достал и бросил на стол куклу. С непривычными пропорциями, не ребенка, а взрослой женщины, одетую в вечернее платье.

– Поставщик – какая-то испанская фирма. А называют этих красоток – угадайте с одного раза, джентльмены, – «Лучия»!

– Если не ошибаюсь, в девичестве эта мисс звалась «белокурая Лилли», родом из гитлеровского Рейха³, – сказал первый. – На этом можно сыграть?

– Уже пытались, результат околонулевой, – ответил третий, – все давно забыли, или вовсе не слышали, про «истинную арийку Лилли». Зато эта чертова итальянская девка гораздо более известна, даже в Буэнос-Айресе и Гаване.

– Значит, лейте на нее больше грязи, – сказал четвертый, – опыт показывает, что так можно убить любую репутацию. Сначала не поверят, затем решат, что раз повторяют, значит, что-то есть. Заплатите этому Фаньеру и подключите еще кого-нибудь. Чтобы по крайней мере у нас поверили – и в странах нашей зоны. Подключите Голливуд, чтоб сняли что-нибудь такое. И комиксы – где эта девка в роли воплощения мирового зла.

³ Неточность. В Рейхе Лилли была лишь персонажем газетных рисунков. Кукла в нашей истории производилась в ФРГ с 1955 года и была мало известна вне Германии. Однако именно она в 1959 году стала «Барби», когда некая Рут Хандлер из США выкупила патент – с тех пор и началась «барбимания» по всему миру.

– Уже заказано, – усмехнулся первый. – В Штаты вернетесь, наверное, уже увидите на прилавках. Итак, джентльмены, – на святое дело, расходы поровну?

Оставшиеся трое дружно кивнули.

– Если бы так же внушить электорату идею об американской военной мощи, – произнес второй, играя сигарой. – Какой идиот проплатил ту статью в «Милитари Обсервер», что «армия и флот Соединенных Штатов не терпели поражений и не проиграли ни одной войны в течение более чем сотни лет. С тех пор как британцы в восемьсот двенадцатом взяли Вашингтон и сожгли Белый дом – в том же году Наполеон взял и сжег Москву». Ладно, не все помнят, чем это кончилось для Наполеона, когда русские пришли за своими долгами, и что Москва тогда не была русской столицей. Но кто придумал, «армия США является сейчас сильнейшей в мире, хотя не имеет показательного счета побед – но есть много объективных способов оценить мощь настоящей армии, очевидных любому военному человеку», – над этими словами не то что в Москве и Берлине, в Париже и Лондоне смеются. Если бы тот, кто это сочинил, взялся мне делать рекламу, я бы ему ни цента не заплатил.

– Ну, вы же не будете отрицать, что мы сейчас гораздо сильнее, чем пять, три или даже год назад? – сказал третий. – Сколько у нас Бомб, уже под тысячу. Еще немного, и можно предлагать русским капитулировать.

– А сколько у них? – спросил второй. – Да еще эта Дверь,

черт ее побери. Нет ни одного прямого доказательства, но появляются все новые косвенные. Если правда, что там, где была обнаружена Эбола, нет и никогда не было никаких русских экспедиций.

– Нет и не было, – сказал четвертый, – я своим источникам полностью доверяю. Но образец вируса мы получили, сейчас изучаем в лабораториях. Полный отчет мне еще не представили, но уже рисуется что-то восхитительно убойное.

– И что в итоге? – произнес второй. – Русские уже предупредили, что появление Эболы на своей территории они расценят как атомный удар и ответят соответственно. Кстати, выходит, что *там* они с этой напастью уже знакомы хорошо? И очень возможно, имеют в своих лабораториях, но это к слову. Надеюсь, у вас хватит ума в Штаты эту гадость не тащить – а вдруг вырвется?

– Но можно использовать против всяких там повстанцев, – заметил первый, – чтоб любой мятеж прекратился естественным путем. Авеколисты, вьетнамские комми.

– Авеколисты уже имеют эту угрозу на своей территории, – покачал головой второй, – а мятеж продолжается уже десять лет.

– Масштабы не те, – ответил первый, – отдельные очаги. А если с самолетов распылить в большом количестве, и в сотнях, тысячах различных мест? И подождать, пока там все не вымрут. Идеальный способ восстановления порядка – и дешевый, и без гробов в наш дом.

– Глобальную эпидемию получить хотите? – возразил второй. – Нет уж! Пока не узнаете об этом вирусе все, как передается, где и сколько выживает, от чего гибнет, и пока вакцину не получите, для наших парней – никаких натурных экспериментов. Зачем нам оружие, которое не разбирает своих и чужих?

– Момент удобный, – заметил первый, – я не уверен, что коммунисты не захватят весь Вьетнам уже в этом году. И Лаос тоже. Пока же у французов там есть плацдарм – и Медицинский корпус Армии США привлечен к санитарному обеспечению их войск там. Причем наш персонал и услуги туземному населению оказывает, в обмен на неприкосновенность, – и красные этот нейтралитет уважают. А представьте, что в один день по приказу наши врачи сделают укольчики вьетнамским детям – не с одним лекарством? Мои эксперты нашли эту тактику самой перспективной – чадолюбие местным свойственно, заражаются и вся семья, и соседи.

– Нас после вымажут в такой грязи, что Черное море покажется райской купелью, – усомнился второй, – ведь обязательно выплывет наружу, слишком много посвященных. Весь наш персонал, и французы еще. Кто-то проболтается – по глупости или из чистоплюйства.

– А зачем им знать? – удивился первый. – Просто новое лекарство. И зачем предупреждать лягушатников – вспышка туземной лихорадки, обычное дело.

– Рано, – сказал третий, – поддерживаю высказанную точ-

ку зрения: пока не узнаем об этом вирусе все, никаких применений. Пока не будем в полной уверенности, что все под контролем.

– Тогда что делать с Индокитаем? – продолжил первый. – Французы оттуда вылетят очень скоро. А это, в отличие от Средиземноморья, не английская, а наша зона интересов. И мы не можем такое стерпеть. Хуже может быть лишь коммунистическая революция, ну хоть здесь, на Кубе.

– Я слышал, тут недавно был какой-то шум на востоке, в Сантьяго-де Куба? – спросил четвертый. – Что-то серьезное? Или очередная попытка «пронсиаременто», как тут называют военный переворот?

– Именно это, – отмахнулся второй, – какой-то Фидель Кастро на пару с братцем решил, что он может стать здешней гориллой вместо нашего парня Батисты. «Мятеж не может кончиться удачей», кого не убили, ловят. В каждой стране к югу от Рио-Гранде это бывает по разу в год, а то и чаще. Я указал не казнить этого Кастро, когда его поймают – всегда полезно иметь запасной вариант. Батиста, конечно, не давал еще повода, но мало ли что... Так что с французами решим?

– Можно хоть завтра предъявить месье де Голлю все наши счета к немедленной уплате, – сказал первый, – с альтернативой дать независимость Вьетнаму. Который уже на законном основании заключает с нами договор о военной и прочей помощи. Или дожидаться, когда французы потерпят там очередное поражение, после чего в Париже падет кабинет –

и договариваться уже с преемником Генерала. Но мне первый вариант нравится больше – он надежнее и короче.

– Огласка повредит нашим интересам в Европе, – заметил второй, – так что переговоры должны быть тайными. Будем милостивыми – зачем нам потеря лица нашего союзника, принятая под нашим очевидным давлением? А вот если неочевидным...

– Какое количество войск нам для того потребуется? – произнес третий. – Имеется ли оно в наличии, и в какие сроки может быть переброшено во Вьетнам? Этим займется Пентагон, – а еще, вы правы, необходима пропагандистская подготовка, чтобы наши американские парни знали, за что они воюют. А электорат здесь нормально бы принял неизбежные потери. Не убеждения для умников, а реклама для толпы – чтобы, как там у Джека Лондона, если перефразировать, любой американец был бы уверен, что справится с тысячей вьетнамцев, китайцев, русских, ну а в воскресенье и с двумя тысячами.

– Айку это понравится, – заметил первый, – в прошлый раз в беседе со мной он дал понять, что искренне обижен на русских, укравших у него лавры победителя, «они уже были на Одере, в полусотне миль от Берлина, когда я лишь высаживался в Гавре».

– Мы также рискуем не успеть, – сухо ответил третий, – если коммунисты будут в Сайгоне раньше нас? Есть вариант поторопить наших китайских союзников. Чтоб они повтори-

ли атаку с севера, не давая красным передышки. Будут снова разбиты – плевать, главное, чтобы вьетконговцы обратили взоры на север, а не на юг, хоть на какое-то время. Значит, это должно быть масштабное вторжение, а не бандитский набег. Придется подкинуть снабжения господину Чан Кайши, для укрепления его боевого духа. Пусть начинает немедленно и продержится, пока мы не начнем на юге. Есть возражения, джентльмены?

Трое оставшихся дружно кивнули.

– Итак, что мы имеем, – продолжил первый. – Глобальное противостояние с Советами для нас складывается не лучшим образом, даже без войны. Также для нас крайне нежелателен союз русских и святош в Италии. И болевая точка – Индокитай, где мы и вмешаться не можем, и оставить как есть тоже. Есть план, который позволит объединить решения этих проблем и повернуть все к нашей пользе...

Он говорил еще несколько минут. Затем повисло напряженное молчание.

– Авантюра, – наконец сказал второй, – в сухом остатке вы предлагаете, чтобы с той стороны вместо договороспособных врагов оказались бешеные псы, наподобие германского неудачника.

– А вы верите, что нашим друзьям в сутанах удастся задуманное? – возразил первый. – Поставим вопрос иначе: ослабнет или усилится СССР от очередных внутренних свар? И даже, возможно, повторения тридцать седьмого го-

да. Думаю, что ответ ясен – причем мы в стороне, все сделают агенты святош. Зато коммунизм явит всему миру свою звериную суть – что, без сомнения, повлияет как на выбор нового папы, так и на распространение вредоносных коммунистических идей. И выбор Индокитая для показательного выступления идеален – раз мы все равно не можем его удержать, и это, кажется, Бисмарк советовал для таких экспериментов взять страну, которую не жалко?

Ленинград.

8 августа 1953 г.

В этот вечер в Географическом обществе, что в Демидовом переулке⁴, происходила очередная лекция.

Кто докладчик – Мария Гимбутас, молодая ученая-археолог из ГДР. Это имя даже в ученой среде было малоизвестно, не говоря уже о публике простой. Потому в зале собрались по преимуществу преподаватели и студенты географических отделений ленинградских вузов. Особняком выделялись двое военных моряков – моложавый и подтянутый вице-адмирал с тремя Золотыми Звездами и более старший, лысоватый и в круглых очках, инженер-контр-адмирал, с одной Звездой.

– Ну здравствуй, Серега! – сказал вице-адмирал. – Каки-

⁴ В нашей истории, с 1952 г., переулок Гривцова. Но так как в альт-истории война закончилась в 1944 г., то красноармеец Гривцов не погибнет героически под Нарвой.

ми судьбами? По служебной надобности, или решил семье малую родину показать?

– А сам-то ты разве не питерский, Михаил Петрович? – ответил инженер-контр-адмирал. – По служебной, конечно, позавчера еще на Севмаше был, сегодня днем с вокзала, завтра у Базилевского увидимся по делу. А сейчас просто послушать захотелось, как узнал. Это ведь *та самая* Гимбутас?⁵

– Она, – кивнул вице-адмирал, – только здесь советские ученые впереди ее оказались. Аркаим в сорок четвертом раскопали – с тех пор по нарастающей и пошло. И правильно – ну сколько можно немытой Европе на нас как на варваров смотреть, а вот нате! Ну а немцы, такое впечатление, лишь пластинку сменили, кого считать истинно высшей расой и кому подчиняться не грех.

– Так она ж из Каунаса, литовка по рождению?

– И немка по культуре – училась где? И советское гражданство принять не спешит. Ну а *там* так вообще в Штаты подалась.

– Ну, бог ей судья и Министерство госбезопасности, раз сочли «благонадежной». Надеюсь, она сейчас по-русски будет говорить – а то немецкий у меня слабо, как у нас говорили, «читаю со словарем».

⁵ Автор «курганной теории» происхождения индоевропейцев, согласно которой прародина всех индоевропейских народов – это степи Причерноморья и Южный Урал, в нашей истории выдвинута в 1956 г., в альт-истории раскопки Аркаима вызвали к жизни эту теорию гораздо раньше.

– Так тут же не Кенигсберг, где в универе по-немецки читают. Или Львов с Черновцами, где разрешено по-украински. Надо ж аудиторию уважать.

– Послушаем, командир. Мне вот интересно, по каким учебникам наши дети учиться будут. По классике, как мы – Египет, Греция, Рим и прочая варварская периферия, или Россия – родина слонов, тьфу, цивилизации? Ну чем аркаимцы от каких-нибудь древневавилонцев отличались, что тем повезло быть откопанными раньше? У нас ведь не Египет – нафиг пирамиды нужны. И письменность на бересте (а что еще могло быть) хранилась хуже, чем шумерская клинопись. А так – вот юмор, если Асгард из легенд и впрямь окажется Аркаимом. Или его подобием, что пока не нашли.

– Найдут. Слышал, в тех краях, на Южном Урале, в Поволжье, копают всю – наши, гэдээровцы, даже буржуев приглашают смотреть, для чистоты эксперимента. И товарищи попы туда же, причем не наши, кто на слово советской науке верит, а римские.

– Ну, с божьей помощью... Ох, командир, не верю я служителям культа, а особенно тем, кто забугорный. Ватикан ведь как Англия – «нет постоянных союзников, есть постоянные интересы». Понятно, что сейчас у них прямой интерес с нами, с товарищами Сталиным и Тольятти дружить. А завтра как повернется? Если они уже в Питере и Москве свои католические храмы открывают.

– Потому мы и здесь, – заметил вице-адмирал, Лазарев

Михаил Петрович, в 2012 году иной реальности командир атомной подводной лодки «Воронеж», вышедшей в учебно-боевой поход и неведомыми путями провалившейся в лето сорок второго, – чем черт не шутит, если бог есть, то, может, это его воля и была, чтоб не было никакой перестройки. Чего гадать – сражаться надо. Я вот надеюсь еще лет сорок прожить и посмотреть, как тут будет. Насколько удалось стрелку перевести.

– Так сделали, – ответил Сергей Николаевич Сирый, бывший командир БЧ-5, – наши потомки за свою страну и свой народ чуть больше гордиться будут, чем *там*. А это тоже дорогого стоит. Если сейчас нам всякая сволочь пытается помешать – значит, все мы делаем правильно.

– Да уж, – сказал Лазарев, – съездили на море всей семьей, отдохнули... Ты ну как знал, что не присоединился.

– А это называется диалектика общего и личного, – усмехнулся Сирый, – укрепляя мощь СССР, мы обеспечиваем конкретно себе, что ни одна собака нам жить не мешает. Я же надеюсь в следующем году в отпуск – когда, как товарищ Сталин сказал, жить станет еще лучше и веселее. И чтобы многие ему лета – я пока в отставку не хочу. Жизнь у нас пока что очень напряжная выходит – но еще больше интересная. Прорвемся, командир!

Анна Лазарева.

Москва, 8 августа 1953 г.

Пережив войну, начинаешь по-особому ценить каждый день отдыха.

После Победы (совершившейся здесь в сорок четвертом, а не сорок пятом) минуло уж скоро десятилетие. Советский Союз здесь вышел из войны гораздо сильнее, чем в иной версии истории – параллельной или перпендикулярной, о том не могут прийти к согласию товарищи ученые, допущенные к Тайне. Меня же интересует лишь практический результат – имеет ли место «эластичность истории», как называли гипотетическое влияние событий иной реальности на нашу, а попросту, случившееся там уже после «хроноразвилки», переноса «Воронежа», оказывает ли влияние на причинно-следственные связи здесь?

Впрочем, и без того – подобное влечет за собой подобное же, сугубо по законам исторического материализма, а не поповских сказок о предопределении. То, что в «этой Вселенной» (наслушавшись академиков, ей-богу, начинаю иногда говорить их языком) к советскому лагерю отошла не половина, а две трети Европы, включая всю Германию, а также Италию, Грецию и пол-Норвегии, и что СССР здесь первым в мире, с пятьдесят первого, строит атомные подлодки – само по себе не исключает проклятия «перестройки», гниения и разложения элиты. И пусть предателей будут звать не Михаил Горбачев и Борис Ельцин – разве это имеет значение? Вот отчего я страшно боюсь не успеть сделать все, чтобы измена верхушки, поддержанная равнодушием масс, ста-

ла невозможной в этом мире. Сейчас не восемнадцатый год, и СССР достаточно силен, наши ресурсы огромны, а люди в массе верят в коммунизм, они доказали это, когда против нас шел Еврорейх, вся Европа, объединенная Гитлером, — задача лишь в том, чтобы правильно распорядиться тем, что у нас есть.

Материальная и военная база коммунизма в целом опасений не вызывает — конечно, без благодушия. Самым слабым местом того СССР оказалась идеология и пропаганда. Тот фронт, на котором я и тружусь, под руководством товарища Пономаренко. «Инквизиция», Партийная безопасность — не МГБ, хотя часто работаем вместе. Но они как хирурги, вырезают безнадежно пораженную ткань, мы же ближе к терапевтам, а иногда даже гомеопатам, ликвидируя функциональные расстройства организма. Интересно, что напишут про нас «правозащитники» через полсотни лет (если такие и тут заведутся)? Не понимая по глупости (или за чужие деньги, «гранты»), что у СССР и коммунистической идеи были, есть и будут реальные враги (пока еще жив мировой капитализм), а потому и наш карающий меч должен рубить головы нелюдей. Интересно, в том мире будущего еще не произвели Гитлера в главные защитники мировой демократии от безбожного большевизма? Там бесноватому фюреру удалось уйти от правосудия — здесь же он, плененный, сначала видел наш Парад Победы в Москве, а после была скамья подсудимых в Штутгарте (что не Нюрнберг, это истори-

ческая случайность), где Адольфишка сидел рядом с Герингом (Геббельс сдох в Берлине, как и в той истории, а Гимmlера поймали уже в пятидесятом) и выслушал наш приговор. А у нас в СССР были и другие процессы над врагами – начиная с Киевского (называют его так, хотя проходил он в Москве), где осудили Кириченко с приспешниками, кто возжелал стать «царем украинским» с помощью ОУН-УПА. В сорок шестом был Даугавпилс (сейчас белорусский Двинск, но тогда его еще не переименовали), когда из трех республик делали одну Прибалтийскую ССР с тремя автономиями внутри и передачей части территории Белоруссии и РСФСР (что очень не понравилось отдельным националистическим товарищам). В сорок восьмом Краснодар (кавказские дела – там о самостоятельности и не заикались, но внутри своих республик вели себя как вотчинные князья с махровым феодализмом). Осенью сорок девятого – Ташкент, «новое басмачество», когда наш Юрка Смоленцев едва не погиб. В пятидесятом – Ленинград (не политика, а воровство, когда товарищи Вознесенский, Кузнецов и прочие незаконно устроили ярмарку, где украли и сгноили товаров на пару миллиардов рублей). В пятьдесят первом – Краков (целиком польская инициатива), когда польские товарищи спешили исправить свои колебания во время китайских событий пятидесятого года, «вот придут завтра американцы и развесят коммунистов на фонарях», причем иные особи, формально принадлежащие к ПОРП, изрекали такое прилюдно – за что и попла-

тились. В пятьдесят втором – Берлин, дело «Гроссдойчланда» (была такая мразота в Германии, которые даже СС считали слишком мягким). И вот теперь снова Москва, и опять бандеровцы – вместо нашего отдыха на Черном море.

Как я мечтала когда-то, вместе со своим Адмиралом и детьми, на белом пароходе, чтобы море, солнце и никаких забот! И как повезло, что на «Нахимове» оказались мы все, включая ребят Смоленцева (кто Гитлера живым брали), причем в полной боевой готовности – страшно представить, будь на судне лишь экипаж и мирные пассажиры, что могла бы натворить банда оуновской сволочи под командой «генерала УПА» Василя Кука, того самого, что девять лет назад в Киеве вынес мне смертный приговор. Но я жива и здорова (и надеюсь прожить вместе со своим Адмиралом до девяносто первого года, чтобы услышать: «В СССР все спокойно»), а эти херои сала на скамье подсудимых скулят. И мы, «инквизиция», приняли в процессе самое непосредственное участие – если доказательная база была работой Генпрокуратуры и Военной коллегии Верховного суда, то «режиссурой», чтоб подать факты (правду, и только правду), занимались мы. Не устраивать «шоу» (а то кто-то предлагал и музыку пустить), но обеспечить всем в зале не только информацию, но и максимум эмоций – как в фильме «Обыкновенный фашизм», ставшем для нас эталоном. Изображения на большом экране, или даже киносъемка, и все это подать в нужный момент, и выступления свидетелей собрать в долж-

ной последовательности, и (что не оглашалось) проинструктировать и даже иногда отрепетировать с ними, что они будут говорить (не добавлять ложь, а обеспечить, чтобы не путались и не запинались). Ради того, чтобы у позорного столба оказались не только вот эти конкретные двуногие особи, но и сама идея бандеровщины, укронацизма. Антинародная идея – «херои» УПА воевали больше всего не с польскими панями, не с гитлеровскими оккупантами и не с НКВД, а с собственным народом, больше девяноста процентов убитых ими были не солдаты, а безоружные гражданские, своей же украинской нации, кто посмел усомниться в щиросвидомости. Какого «счастья» желали они своему же народу, ясно из слов Шухевича, одного из главарей: «Любые беды, любые страдания, лишь бы от москалей подальше, все ими принесенное сломать, все ими построенное разрушить, лучше при лучине сидеть и деревянной сохой пахать, но быть свободными». И конечно, сами главари, петлюры и бандеры (так же как в ином времени ющенки и юли тимошенки) предполагали, что они-то бедствовать не будут, а лишь указывать быдлу, как за идею страдать. В иной истории Хрущев решил укронациков простить – здесь этого не будет, не героями и борцами за свободу они останутся в памяти людской, а последней мразью!

– Очень правильно рассуждаете, Анна Петровна, – покачал головой дядя Саша, он же комиссар госбезопасности товарищ Кириллов, благодаря которому я и попала в «Рас-

свет» (под этим кодом проходит все связанное с миром будущего), – но позвольте провокационный вопрос. Чем освободительная борьба вьетнамского народа отличается от ливийского или украинского, как на западе все газеты нам тычут? На государственные интересы СССР ссылаться нельзя – мы ведь не какая-то империя, покупающая благосостояние населения метрополии за счет бедных негров и индусов.

Дядя Саша любит быть «адвокатом дьявола» между своими – с тех пор как, попав на «Воронеж» еще в сорок втором, услышал, что в будущем (еще до развала СССР) политработники станут бояться отвечать на ехидные вопросы личного состава, вроде «а отчего в Америке до сих пор нет революции, если социализм более прогрессивный строй». Курсанты же нашей Академии (будущие «инквизиторы» и прочие партийные кадры) должны уметь ответить на любой каверзный вопрос, и в самой недружественной обстановке – поскольку за вами авторитет нашей партии. Сейчас я не на экзамене и среди своих – но отвечать надо, пусть оргвыводов не последует, но станет дядя Саша хуже думать обо мне, а я этого не хочу.

Отвечаю: свобода – это не абсолют, а лишь средство для достижения цели (иногда надо, напротив, покрепче штурвал зажать, ну где вы видели демократию в осажденной крепости). «Свобода» по-бандеровски – это ненависть, рабство, разруха, каменный век, а Советская Украина – это счастье, богатство, процветание. Так и в Ливии – где простому чело-

веку будет легче: в сенуситском халифате или в заморской провинции Итальянской Народной республики? А во Вьетнаме (про Африку пока молчу, там все пока впереди) с точностью до наоборот. Если там хозяева (слово «помещики» не совсем правильно, поскольку у них в собственности не только сельхозугодья, но и заводы и шахты могут быть) с народом обращаются хуже, чем с рабами, – причем свои, местные, часто зверствуют еще больше французов. Тогда коммунистический, свободный Вьетнам – это счастье для простого народа. Хотя допускаю, что лет через сто в нашей истории он присоединится к всемирному СССР, как у нас Словакия, Монголия, Тува, Маньчжурия присоединились. То есть свобода свои границы имеет, рубежи – и они не постоянные, а от текущей политической обстановки зависят, что вчера было справедливым, сегодня должно быть изменено.

Дядя Саша лишь кивнул. И больше о политике не продолжал. Сегодня мы все отдохнуть собрались, в нашей квартире на Ленинградском шоссе: Юрка с Люцией подошли, Валя Кунцевич с Марией (ну это понятно – в одном доме квартиры получили, Смоленцевы над нами, выше этажом, а Кунцевич в другом подъезде), еще дядя Саша, бывший старым другом еще моего отца, Мария Степановна пришла, за нашими детьми присмотреть, ну и Валя своего китайского «крестника» Юншена пригласил, с двумя сестричками, «розой» и «орхидеей». На стол выставили что нашлось, радиола играет, лето за окном, свежесть после прошедшего дождя. Жал-

ко лишь, что моего Адмирала нет, в Ленинграде он по своим «атомным» делам. Ну ничего, Пономаренко же обещал нам отпуск хотя бы десять дней? Вот не отстану, напомню обязательно!

Мужчины в своем конце стола собрались – мы тоже о своем секретничаем.

– Люся, расскажи, как было в Италии? Документы я читала, как вы «Лючию» брали. Рада за твоего отца – что все хорошо получилось. Да, людей жалко – хотя очень может быть, что «комета» упала не из-за диверсии, а есть такой технический дефект – я тебе после подробнее расскажу. Так что ожидается совместная экспедиция по извлечению обломков со дна Средиземного моря. Это на фото Софи Лорен рядом с тобой? Что, и в Риме сейчас это носят? Да, тебе очень идет, особенно с этой шляпкой. Хотела бы я и у вас в гостях побывать – только там, наверное, солнца еще больше, чем в Одессе, я же обгорю вся. А осенью у вас погода какая?

Кто-то остановил пластинку, включил новости. Про выполнение пятилетнего плана – и постановление советского правительства «О мерах по укреплению кормовой базы животноводства». Обязать колхозы и совхозы отводить часть земли под горох и кукурузы – последнюю лишь в определённых районах. Особо указывается, что в данном случае кукуруза – это корм для скота или зеленая масса для силоса, то есть вызревание початков не обязательно. А где климат неподходящий, вместо кукурузы сажать люпин и амарант. А

также наладить промышленное производство белковых добавок из хлореллы⁶. И это, насколько я знаю, не просто закон – в исполнение его Госплан должен ресурсы выделить. То есть не будет у нас ни «кукурузы-травы» едва ли не в Заполярье, ни скармливания хлеба скоту (поскольку дешево). Вот и еще хоть чуть-чуть отворот истории на новый курс с прежнего, ведущего к перестройке!

Маши и китаяночки журнал изучают, что Лючия принесла, «Русско-итальянскую моду», самый последний – летняя коллекция этого года. Вспоминаю, как римлянка на ленинградском показе в пятидесятом французов высмеяла – «какой-то там Диор». Женщины, что при коммунизме, что при капитализме, всегда хотят быть нарядны. Понятно, что в СССР пока еще время нелегкое, военные раны залечиваем, но все же москвички на улице выглядят не хуже парижанок (с учетом того, что во Франции сейчас тоже далеко не рай, не изобилие). Вот только я никогда не надену узкую «диоровскую» юбку, похожую на то, как двумя ногами в одну штанину мужских брюк влезть – наш первый и главный принцип, чтоб движений не стесняло. Привыкла уже к «солнце-клеш-миди» с узкой талией, хотя носила уже и новинку этого года, «русские традиции», когда клеш от груди или сразу от горла, как у крестьянского сарафана. В журнале и выкройки есть, с методикой расчета под ваш размер, ткань купить можно (принцип «сделай сам» у нас всячески поощряется,

⁶ К сожалению, альт-ист. Взято из Симонова, «Цвет сверхдержавы – красный».

и не только в одежде), так что тем, кто шить умеет, полное раздолье. Я умею, Лючия тоже, а китаяночки научились уже?

Мне было хорошо. Для полного счастья не хватало лишь моего Адмирала рядом. И еще, мой отвратительный характер – мысли о том, что сейчас случится что-то, и станет хуже. Как сегодня, с утра было солнце, я Олюшку в коляске вывезла, детям ведь свежий воздух необходим, и тут вдруг тучи набежали, гром ударил, дождь начался, ветер поднялся, деревья гнет, на мне платье рвет, а главное, коляску грозит опрокинуть. Видела я и страшнее, в Порт-Артуре тайфун, когда вода стеной, а ураган с ног сбивает – но там я одна была, а тут с ребенком, и если я закаленная, холодной водой обливаюсь, то девочка простудиться может и заболеть. Зонт у меня был, так его наизнанку выворачивало, и я больше старалась дочку прикрыть, чем себя – и потому промокла немножко, зато Оленька сухая и даже не напугалась. А этим летом было в июне, наш отпуск на пароходе «Нахимов», от Одессы до Батуми и обратно, как должно было быть – первый день был, как самый счастливый в моей жизни... до той минуты, как тварь Василь Кук хотел моего Илюшеньку зарезать, ребенку к горлу нож приставил. Гадина, «генерал УПА», в иной истории он уже в самостийной Украине помер аж в 2007 году и даже памятника удостоен как борец с москальским игом – и здесь себе жизнь вымолил своим мнимым раскаянием, хотя Пономаренко уверяет, что не заживется он долго, пусть сначала своей изменой деморализует тех, кто еще на свободе,

ну а после якобы они же его и убьют. Что ж, Пантелеймон Кондратьевич, ваше слово твердое – но я тоже на контроле держать буду, своего сыночка этому гаду не прощу! Илюша после меня спрашивал недоуменно, «что этот дядя от меня хотел» – даже не понял мой ребенок, что кто-то может ему зла желать, за что? Никогда мои дети не узнают такого, как Валя однажды спел (сугубо в нашей компании) под гитару: «Чтоб ваши дети не выбрали водку, чтоб ваши внуки не выбрали пепси. Чтобы твой сын не родился “кяфиром”, чтоб твою дочь в гарем не продали. Чтобы твой сын не сидел в каталажке, чтоб твою дочь не снимали с панели». Проклятые девяностые той истории – все сделаю, убивать буду и сама умру, чтобы здесь такого не случилось! Чтобы мои дети и мои внуки не знали иной жизни, как в СССР!

Валя Кунцевич снова пластинку поставил – «Севастопольский вальс». И Юра к нам подошел, римлянку свою пригласил. А Валя – меня, и я согласилась, что здесь такого? Тем более в присутствии его, Валентина, законной жены. Милая девочка, внешне на меня похожа, и даже платье на ней такое, как на мне, юбка-«солнышко» и такая же пелеринка до талии и локтей вместо рукавов – модный фасон этого лета, после того как Люся в Италии блистала и на обложки журналов попала. Конечно, лишь в хорошую погоду такое носить и не на службу – хотя отчего нет, вот завтра в нем и пойду, вид вполне приличный и даже строгий по-монашески, если не на улице в ветер. Однако же мой наряд из РИМа вчера лишь

доставили – Валя, у тебя и там агентура есть? Мы, конечно, не склонны из-за такого скандал устраивать, как в иной реальности Жаклин Кеннеди и Элизабет Тейлор на какой-то важный прием в одинаковых платьях пришли и было что-то непотребное – но если и другая информация подобным образом утечет?

– Я всего лишь хотел, чтобы Маша на тебя была похожа, – серьезно ответил Валя, – ты ведь наш идеал.

А у нее ты спросил? Хочет ли она такой быть – или другой? И вообще, Валечка, вот и музыка кончилась, на место меня проводи. А за танец спасибо.

Валентин Кунцевич.

То же место и время

Отлуп полный – а чего ж еще ожидать? И быть мне краскомом Иваном Варравой из неснятого пока еще тут фильма «Офицеры».

Маша хмурит губки – только семейного скандала мне тут не хватает. Завидую Юншену – опекающему сразу двоих. Китайяночки уже обрусели совсем – и физиономии у них во все не «азиатские», узкоглазые и плоские, как мы обычно представляем (это у северян, монголов и маньчжур), а правильный овал с тонкими чертами и глаза миндалевидные, большие (характерно для южного Китая) – и одеты по-нашему, на улице встретишь, так не отличишь от своих, тоже брюнеточки бывают, с южнорусскими корнями. Небольшой

акцент лишь замечен – китайцы букву «р» не выговаривают, нет у них такого звука в языке. Но – «наш повелитель, наш господин». Спросил я у них, ради любопытства, если он один, а вас двое, то как вы между собой ладите, хотя и сестры? А они даже не поняли, в чем проблема.

Слышал я, что был на Юншена сигнал, про аморалку. Так «инквизиторы» вмешались – а отчего Ли Юншен, как сознательный товарищ, не может помочь соотечественницам при их обустройстве в новом для них советском обществе? Тем более что жалоб ни от кого не поступило, так в чем вопрос? И вообще, у товарища Ли Юншена с сестричками чисто дружеские отношения (а докажите обратное, вы свечку держали?). Так и длится уже три года. Сестры Лан (по-китайски «роза») и Куанг («орхидея») живут вместе с девушками из «итальянской моды», числятся в штате РИМа, даже на подиум уже выходили – а в свободное время на людях появляются исключительно втроем, вместе с Юншеном. Ну а мы – что делать будем, завидовать будем. А вернется Юншен домой и станет генералом – так и женится сразу на двоих, или у них не разрешено, китайцы ведь не мусульмане? Хотя я слышал, что у них мандарин прежде вполне мог иметь нескольких жен.

Маша дуется. Снова вальс – так пошли, потанцуем, что сидишь? Утешь бедного ухореза – а то день у меня с утра был тяжелый. Пономаренко наконец понял, что хотя «инквизиция» имеет право для своих задач привлекать любые

конторы и воинские части, все ж раздвигать «песцов» всякий раз – это не есть хорошо. Так что сейчас под крылом «партийной безопасности» формируется спецподразделение (аналог «Альфы» или «Вымпела»), для работ на постоянной основе – «обнаружить, уничтожить, для допроса притянуть». Командиром Юрка Смоленцев – после «Нахимова» и итальянских подвигов другой кандидатуры просто нет. Ну а я, надеюсь, буду там все ж не рядовым. Каждое утро к десяти прибываю в расположение, разминка на плацу и тренировка – рукопашка, один на один, один против нескольких, группа против группы, затем прохождение полосы препятствий, со стрельбой по появляющимся мишеням, а в завершение «бой» с красящими шариками вместо пуль, команда против команды. И это короткая программа для тех, кто уже волчары с опытом, лишь форму поддержать – молодых гоняют едва ли не круглосуточно, чтобы нашу науку в рефлекс вбить. Так что с утра сегодня я и побегал, и подрался, и пострелял. Ну не обижайся, Машуня, – ну прости, хотя не знаю, за что.

– Она красивая, – сказала Маша, – только своего мужа очень любит. Валя, ну как ты можешь?

А что я такого сделал – всего лишь даму на вальс пригласил. Что никак не возбраняется. И знакомы мы уже давно, и работаем в одной конторе. Оправдываюсь – а сам думаю, вдруг теперь решит, а вот не буду на нее похожей, даже внешне? А она сказала то, чего никак не ожидал:

– Валя, а в вашу службу девушек принимают? Если Лючия с мужем ходила даже на абордаж. Стрелять как ты я не смогу – но разве вам медработник не нужен? Зато везде будем вместе.

Юрий Смоленцев

Валя, анекдоты про поручика Ржевского не про тебя случайно? Смотри, доиграешься – если ума не хватит на грани дозволенного удержаться. На войну бы тебе – так нет войны. Или есть уже – зачем нас Пономаренко вызвал? Сидим, культурно отдыхаем, и вдруг телефон – и в жизни так бывает, не только в советском кино. Хотя помню, что и в двухтысячных наши доморощенные капиталисты могли своих работников так напрячь, даже вечером или в законный выходной. А в этом времени мобил не изобрели еще – и если нет тебя возле аппарата (а сидеть возле него в свое свободное время ты, строго говоря, не обязан), то найти и напрячь тебя будет затруднительно.

Тут, конечно, время сталинское и распорядок оригинальный – но все же до полуночи обычно бдят столона начальники, а вдруг Сам позвонит? Если начальник нормальный, то держать при себе он будет пару-тройку особо доверенных сотрудников, владеющих информацией, – а прочий личный состав отпустит по домам. И полночным страдальцам воздаст по справедливости, наградой, а уж транспорт, чтоб до дома доставить, подразумевается сам собой. Аня еще подхо-

дит под категорию доверенных, а Валя Кунцевич – это чистый боевик, моя бы воля, я и в Академию его не тянул бы, довольно ему указать на врага и сказать «фас», только клочья полетят от супостата. Я, стараниями Пономаренко, хоть и вступил на скользкий путь начальственной ответственности, но нет у меня сейчас незавершенных срочных задач, о формировании нашей команды я вчера рапорт представлял, сегодня ничего не изменилось. Ну а Лючия не доросла еще, чтобы за что-то отвечать (только не дай бог она услышит, что я так думаю). Значит, вывод – что-то где-то опять произошло. В газетах и по радио не было – не успели еще? Или что-то по тайному фронту?

Пантелеймон Кондратьевич был каким-то смурным. Что тревожно. Начальственную «накачку», особенно даваемую исключительно для мотивации, без намерения реально принять меры, пережить нетрудно. А вот если такое – значит, у самого Пономаренко сомнение есть. Как в сорок четвертом перед Киевом было – где кончилось большой дракой⁷.

– Город Львов, – сказал Пономаренко. – Есть информация, что там в ближайшем времени должно произойти что-то, отрицательно повлияющее на нашу политику здесь, в Москве.

Что значит «отрицательно повлияющее»? Вылазка врага – информация была бы четче. Неужели аппаратные игры? Кулуарные беседы, шушуканье по углам, намеки. Взять бы ко-

⁷ См. «Союз нерушимый».

го-то из шепчущихся и тряхнуть как следует, ты что имел в виду? Так или не за что пока, слухи и сплетни. Или, что вернее, не принято трогать высоко стоящие фигуры без прямых и недвусмысленных доказательств виновности – а товарищ Сталин, выходит, всерьез решил, что террор направо и налево – это не выход? И нам нужно эти доказательства добыть?

– Здесь делается все, что должно делаться. Вы проясните обстановку там.

А что там может быть? Самое напрашиваемое – бандеровцы? Однако даже в худшие времена ОУН имела гораздо меньшую опору в областных центрах, чем в провинции – а оттого их серьезные теракты там можно было по пальцам счесть. Теперь же нет никакой политики на умиротворение бандеровщины, и Кириченко к стенке поставили за желание стать «царем украинским», сидит первым во Львове товарищ Федоров, тот самый, дважды Герой и партизанский генерал, который «Подпольный обком действует», а уж его-то в сочувствии делу ОУН-УПА никак не заподозришь.

– Федоров и сообщил. Сигнал непонятный – что что-то затевается, а конкретики нет. Спецсвязи не доверяет? При том, что я его не спрашивал, он сам сообщил. Была бы угроза мятежа – было бы о том сказано явно. Да и не запрашивал бы тогда Алексей Федорович санкции из Москвы, действовал бы сам, предельно решительно. Значит, что-то иное.

А что тогда? Даже если бы бандеровцам сейчас удалось устроить в Львове то же, что в Киеве в сорок четвертом,

непонятно, как бы это повлияло на внутристолничную политику. Скорее бы, еще сплотило и ожесточило – бандеровцы не уймутся, ведут с нами войну, уничтожить всех без пощады. Что же тогда еще может быть? Крупный теракт – так вряд ли о том распускали бы слухи.

– Весной были тревожные сигналы из Львовского университета. Товарищ Федоров тогда даже предлагал «разогнать это змеиное гнездо к чертовой матери». Это учебное заведение, и еще Черновицкий университет – единственные в СССР, где ведется преподавание на украинском. Оттого и потянулись туда кадры с соответствующими убеждениями. В прямых связях с бандеровскими бандами пока не уличены и напрямую ни к чему противозаконному не призывают, а вот идейно... «Украина – это наследница Киевской Руси, це Европа, а москали – это потомки Орды, немытая Азия. Вся культура на восток шла от украинцев – без чего дикие москали бы до сих пор по лесам лапу сосали. Курские, воронежские, смоленские земли исторически принадлежали Украине – а москалям место в лесах за Уралом. И вообще, вы, украинцы, во всех отношениях выше варваров-москалей». Такому вот учат – а если и прямо не говорят, то намеком. Хотя есть и такие, кто не стесняется.

А вот это действительно опасно! В иной истории наследственность бандеровщине, дожившей до следующего века, обеспечили не остатки схроновой пехоты, а такие вот взгляды среди интеллигенции. Девяносто первый год – и вот оно,

зная, вот идеи. Но московские дела тут при чем?

– Вдобавок в Львовском университете распространяются взгляды, что он, старейший из университетов на территории СССР⁸, является истиной в последней инстанции перед какими-то МГУ и ЛГУ, не говоря уже о прочих. И насчет языка спор – будто бы украинская мова есть язык древнекиевский, а русский – это та же мова, изуродованная татарами. Что никак не способствует интернационализму и дружбе советских народов. Аналогично и по Черновицкому университету. Вся разница, что он историю имеет совсем недавнюю, ста лет не прошло. И оттого между ним и Львовским даже конкуренция есть – а преподавательский состав так откровенно друг друга недолюбливает. Но те же идеи: «Украина – це Европа, сейчас временно под властью Орды-москалей».

Гадючник, согласен. Но не было в этой реальности никакой операции «Висла», обмена польского населения с советской территории на украинское из Польши, когда мы получили кучу упертых укронациков, имеющих к тому же опыт подпольной борьбы во враждебном окружении, а лишились преимущественно городского, польского и еврейского населения, не слишком любящего СССР, но бандер ненавидящего еще больше – как раз тогда и стал Львов рассадником украинского национализма. Сейчас же это совершенно не украинский город, где селюков-«рагулей» не слишком лю-

⁸ Статус университета получил в 1661 году, а прежде был иезуитской школой, существующей с 1608 г.

бят. К тому же во Львове строительство ведется, на которое приехало много народа со всего Союза. И их университета лишать, из-за горстки какой-то сволоты?

— Раз вы так спрашиваете, Пантелеймон Кондратьевич, то значит, не согласны, — говорит Аня. — Зачем нам уподобляться персонажу из Салтыкова-Щедрина, который мечтал разорить академию, а приехав, спросил, нет ли тут университета, чтобы его спалить? И результат в конечном счете будет прямо противоположный — проходили уже при царе, в девяносто девятом.

Память тут же подсказывает, что нам в Академии читали. Студенческие беспорядки 1899 года — эталонный пример, как не надо подавлять инакомыслие и обеспечивать порядок. Вышел пожар на всю Российскую империю, бунтовали университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Казани, Томска, Харькова, Варшавы и Одессы (размах оцените — где Варшава и где Томск), а в Питере к ним присоединились и прочие учебные заведения, включая Военно-медицинскую академию, Высшие женские курсы и даже Духовную академию. В спокойное время, когда никакой революции, большевиков и прочих эсеров и близко нет — с пустяка началось, усугубленного бездарностью царских властей.

Санкт-Петербургский университет отмечал свое 80-летие. И накануне там вывесили обращение ректора, предписывавшее учащимся «исполнять законы, охраняя тем честь и достоинство университета» и предупреждавшее: «Винов-

ные могут подвергнуться: аресту, лишению льгот, увольнению и исключению из университета и высылке из столицы». Студенты же сочли этот тон надменным и высокомерным, за два дня до юбилея объявление было сорвано и уничтожено, а на самом торжестве – аудитория освистала ректора, заставив его прервать свою речь и покинуть трибуну. После чего студенты стали расходиться, чтобы весело отметить праздник в городе и по домам.

И обнаружили, что Дворцовый мост, а также пешие переходы через лед Невы заблокированы полицией. Кто отдал такой приказ, доподлинно неизвестно – скорее всего, кто-то из полицейских чинов решил: толпа «нигилистов», и под окнами государя в Зимнем дворце, как бы не вышло чего! И никто не озаботился разъяснить студентам смысл происходящего, поговорить, успокоить – а лишь пришибеевское «не толпись, расходись по домам!»

Кто по эту сторону Невы жил, на Васильевском и Петроградке, те разошлись. Но большая группа студентов двинулась по набережной в сторону Николаевского моста. В сопровождении конных полицейских – «как бы чего не вышло». Это возмутило студентов, «нас конвоируют, словно арестантов», а кроме того, кто-то решил, что полиция хочет перекрыть еще и Николаевский мост. И в полицейских полетели даже не камни, а снежки – один из которых очень удачно расквасил нос командиру эскадрона. Который, обозлившись, крикнул: «Бей, нам из-за этой сволочи студентов ни-

чего не будет!» (Эти слова для потомков в бумагах сохранились.) И конные жандармы врзались в толпу, топча конями, хлеща нагайками, рубя шашками плашмя (хорошо, стрелять не начали). Причем досталось не только студентам, но и случайным прохожим, из «приличной публики».

Назавтра возмущенные студенты объявляют забастовку, бойкотируя занятия. Ректор не придумал ничего лучше, как вызвать в университет полицию, обозлив и «демократически настроенных» преподавателей. Несколько десятков студентов арестовали, еще больше отчислили с «волчьим билетом» – опять же, не особенно разбирая конкретной вины во вчерашнем – кто был неугоден и просто под руку подвернулся. Скандал, однако, распространялся, студенты в Российской империи были в большинстве не из рабоче-крестьян, у многих были влиятельные родственники, друзья, просто знакомые. И тогда Николай Второй распорядился о расследовании – поставив главой комиссии военного министра Ванновского. «Виновен – в солдаты. Хотя бы они имели льготу по семейному положению, по образованию или не достигли призывного возраста. Армия и не таких исправляет». Так распорядился царь – по собственной дури, или с подачи генерала, история умалчивает. Кстати, служили тогда (в сухопутной армии, по закону от 1888 года) пять лет, а не три, как у нас сейчас⁹.

И полыхнуло уже по всей России. Забастовали уже и сту-

⁹ В СССР два года в армии и три года в ВМФ ввели в 1967 г.

денты Московского университета – ответ властей был такой же, как в Питере: аресты, отчисления, высылка. Студент Ливен облил себя керосином и сжег в одиночке Бутырской тюрьмы – родственники утверждали, из-за издевательств стражи, власти – что он был псих. Его похороны в Нижнем Новгороде (откуда он был родом) вылились в антиправительственную манифестацию. И прокатилось по всей Российской империи, от Петербурга до Одессы, от Варшавы до Томска (дошло бы до Владивостока, если б там университет был). В итоге все ж стихло, подавили, успокоили. Вот только ущерб авторитету царской власти был огромный – как внутри страны, так и за границей (уж как изощрялись европейские газеты, в особенности английские). А среди студентов, кому тогда искалечили жизнь, были например, Каляев, в 1905 году убивший великого князя Сергея Александровича, и Борис Савинков (эта персона в комментариях не нуждается), и еще немало ушедших в революцию, кому не повезло достичь такой известности. Наверное, эти двое все равно бы сорвались, бунтарь-террорист – это уже характер такой, но наверняка были многие, кто прежде о пути революционера и не помышлял, однако личная обида – это такой стимул!

Конечно, сейчас по всему СССР беспорядков не возникнет. Но сколько народу будет обозлено, считая себя пострадавшими без вины, и как они после станут относиться к советской власти? А лет через тридцать кто-нибудь об этих событиях свои «Черные камни» напишет – о борьбе молоде-

жи со сталинской тиранией. И на кой черт тогда «инквизиция» нужна, чему нас в Академии учили? Это Валька просто мыслит: «где тут нанятые американским Госдепом, обнаружить, уничтожить», – а нам надо сделать так, чтобы сама идея, лозунги наших врагов стали тем, о чем приличные люди не говорят, или просто посмешищем. Вот тогда можно и на эшафот конкретных виновных – не героями они пойдут, а отбросами, неудачниками или шутами.

– Если это студенты, – говорит Аня, – заигрались по дури, а нам придется меры принимать, чтобы сохранить для СССР старинный университет и основную здоровую массу учащихся. Кого из паршивых овец придется изъять, явно или тайно (арест с приговором или несчастный случай), а кого достаточно просто опозорить или напугать, это на месте решим.

– Кандидатуры?

– А вы будто не знаете, Пантелеймон Кондратьевич? В Академии на нашем факультете, по списку двух курсов, шестьсот восемнадцать слушателей – развернулись бы больше, так преподавателей не хватает. Уровень подготовки оцениваю, по армейской мерке, от сержанта – это те, кто совсем с минимальным багажом туда пришли, как наши «смолянки», до капитана, командира строевой роты – это те, кто уже жизнью терты: фронтовики, следователи, пограницы, милиция. Через два года им уже можно самостоятельные поручения давать – а пока только на подхвате.

– А те, кто в Молотовске остался? Из твоей бывшей ко-

манды «стерв» и к ним примкнувших?

– Они там вполне на своем месте. И лучших уже в Академию вытянули, еще в прошлом году, когда увеличили набор. Так что, товарищ Пономаренко, опыт управленческой работы на высшем уровне только у меня. Приехать, разобраться, посмотреть.

– Про приговор от УПА забыла?

– Так бандерю хвост прижали, и Кук у нас. К тому же приговор вынесли Ольховской, ну а в Львов приедет совсем другое лицо. Если только от нас утечки не будет.

– Тебя в Одессе видели. И на пароходе.

– Так проверить, среди пассажиров «Нахимова» были ли из Львова и Черновиц. И вообще с Западной Украины.

– Сделаем. Еще что потребуется?

– Марь Степановне помочь – а то ведь не справится одна, с детьми. И моими, и Лючии. Есть у меня мысль одна, как легализоваться. Чтоб быть в центре событий, изнутри все видеть, а не взглядом заезжего ревизора. И не заподозрил бы никто. Ну, а товарища Федорова и предупредить можно.

– Надеюсь, Анна Петровна, что в «студентки» вы не пойдете?

– Нет, Пантелеймон Кондратьевич. Во-первых, к экзаменам надо подготовиться и сдать. Во-вторых, у первокурсницы статус низкий – доверия мало. В-третьих, свободы нет – надо на все лекции ходить, домашние задания делать. В-четвертых, по закону подлости можно наткнуться на кого-то

из бандер, знакомых еще по Киеву – а как студентке обеспечить охрану? И в-пятых, как студентке незаметно и часто общаться с первым секретарем?

– Молодец, чему-то научилась.

– Значит, нужна команда. Из «своих» или по крайней мере чтоб они в большинстве. Со свободой перемещения, не вызывающей подозрений ни у кого. И входящая как в окружение первого, так и в студенческую среду. В то же время чтобы и мысли ни у кого не возникло о связи с госбезопасностью. Например, киногруппа, даже не с Московской, а Ялтинской студии (с Довженко нельзя – там у львовских наверняка связи есть, знают, кто есть кто). Приехала снимать про героическую казацкую старину – тут и массовка нужна, из местных, и отношения совсем не формальные, и доступ на любые объекты, которые сочтет «киногеничными», если местная власть не возражает, а она вполне может таким гостям навстречу пойти. Только, Пантелеймон Кондратьевич, пожалуйста, не надо больше из меня «мерилин» делать!

Кино в этом времени – рассказ особый. На компах и ноутах экипажа «Воронежа» много чего было – и первым, еще в сорок втором, перед прорывом ленинградской блокады, выпустили «Обыкновенный фашизм» Ромма (а первыми зрителями были наши морпехи – так они после при штурме Первой ГРЭС немцев в плен не брали). Затем вышла «Брестская крепость» (что белорусы сняли – в неизменном виде показали, только титры заменили). В сорок третьем (причем

не только у нас, но и в США и Англии) показали «Индиану Джонса», все три серии, переснятые на импортную цветную пленку (валюта очень нужна была для нашей Победы). И подано это было как продукт экспериментальной студии «Совэкспортфильм». После чего была совместная работа с Голливудом, заинтересовавшимся необычной манерой съемок и ни на что не похожей режиссурой – одним из последствий было, что в СССР приехала Вивьен Ли, снявшись в «В списках не значится» (по еще не вышедшему тут роману Бориса Васильева), а затем и в «В бой идут одни “старики”» (максимально близко к оригиналу). А еще (до Победы, или сразу после нее) тут успели выйти «Белое солнце пустыни» (также с минимальными изменениями – например, в банду Абдуллы английского майора-советника добавили, который погибает в итоге, облитый горячей нефтью), «А зори здесь тихие», «Вызываем огонь на себя» (у нас телесериалом было, здесь в две серии – телевидение не распространено пока), «Молодая гвардия» (причем Люба Шевцова саму себя играла – в этой ветви истории мы Краснодон освободили еще до нового 1943 года, так что молодогвардейцы живые остались, ну а Серега Тюленин, герой Берлина и Курильского десанта, сейчас под моей командой ходит). Еще кино про славную русскую историю много снимают (поскольку державность нынче считается ну вовсе не «реакционным царизмом», а вполне примером для подражания) – к «Александру Невскому», снятому еще до войны и показан-

ному в сорок втором, добавились «Суворов», дилогия про Ушакова, и про крейсер «Варяг», и, конечно, «Иван Грозный», также в двух сериях – но с песней, которую в нашем времени Жанна Бичевская пела:

По молитвам Церкви Бог царя творит,
Все молились и просили,
К милостливой милость царскую явит,
Грозным став врагам России.

И слышал я, Сталину фильм очень понравился (в этот раз Эйзенштейн в опалу не попал, а, напротив, взлетел). Про Петра Первого еще до войны успели снять, теперь на очереди восемьсот двенадцатый год – в общем, исторические ве-
хи борьбы великого русского народа с кознями Запада, который спал и видел, как бы бесхозные земли на востоке поработить и присоединить. Только нам, в отличие от Голливуда, про героизм придумывать не надо, а войну все помнят очень хорошо. У американцев одно время было, сразу после сорок пятого, как они пытались показать (и своим зрителям, и всему миру), что «мы тоже воевали» – иные из тех шедевров нашему зрителю можно как комедии показать, а за иные режиссеру, сценаристу и прочим сапогом в морду мало. Как, например, «Сталинград», вышедший еще в сорок восьмом.

Что вы (в фильме про *нашу* войну) главными героями сделали своих пиндосов, это ладно, мы бы тоже про вашу Гражданскую могли бы снять от лица Джона Турчина (рус-

ский, ставший генералом в армии Линкольна). И ладно, везете вы нам на фронт подарки от своего народа и правительства, хотя автоколонна на нашей территории и под охраной ваших американских солдат – это полный сюр (причем все свежесбранные и в чистеньких мундирах, что бы вокруг ни творилось). Но то, что вы нашу страну изобразили каким-то концлагерем, тут хоть стой, хоть падай! Всюду (и в сопровождении американцев) энкэвэдэшники с мерзкими харями, все время пьяные и оружие про мировую революцию, и что «сейчас вы наши союзники, а после мы вас похороним». В городах утром и вечером строим под конвоем, на завод и с завода, «чтобы у Красной армии оружие было», в деревне нечего есть, поскольку всю провизию для армии забрали – крестьяне (названные там «фермерами») с голоду умирают или собираются в банды, ищущие, у кого хлеб отнять. Одна такая банда нападает из леса на героев, и, конечно, злобные чекисты после всех расстреливают, как «предателей дела коммунизма». Наконец на фронт приезжают – ладно, наших солдат показали пусть и грязными оборванцами, но хорошо и умело истребляющими немцев. Однако уровень кровожадности подняли в потолок – красноармейцы (почему-то воюющие под командованием энкэвэдэшников, которым подчиняются и офицеры) убивают любых немцев вообще, что сдающихся в плен, что раненых в санчасти, причем предпочитают не расстреливать, а закалывать штыками, резать ножами и рубить лопатками (правда, моря крови, как в

современных нам фильмах, тут нет, американская же цензура не позволяет, смертельные удары остаются за кадром, но зверские рожи «русских десантников» и вопли умирающих присутствуют). И кричат при этом не «бей фашистов» и «за Родину», а «смерть капиталистам!» и «за мировую революцию!». Да еще и геббельсовское вранье приплели – как было здесь фото во фрицевских газетах в сорок третьем, «русские под Сталинградом жарят на вертеле пленного французского офицера прямо в мундире, чтобы съесть». Изобразили нас кровожадными фанатиками, ни своей ни чужой жизни не ценящими вовсе и жаждущими весь мир поработить. А нафиг это нам нужно, красный флаг над вашим Белым домом? Пусть Троцкий с того света мечтает о мировой революции – мы просто хотим нормально жить. Хорошо жить, счастливо, богато, дома свои строить, детей растить – чтобы великая страна была, и в космос первыми, надеюсь, успеем. А вы, разлагайтесь там у себя за океаном, не интересны вы нам, пока не мешаете. Сунетесь же, ожидая, что мы такие, как в вашем кино изображены – получите капитальный облом. Не было меня в Китае в пятидесятом – но Валя Кунцевич мог бы рассказать (если б ему разрешили), как два ваших новейших бомбардировщика В-47 к нам попали и за что Ли Юншен (пока единственный из китайцев) нашу Звезду Героя получил¹⁰.

Возвращаясь же к кино – снимают у нас не только про

¹⁰ См. «Алеет восток» и «Мир или война».

войну. И всякую там русскую классику, и комедии – позавчера «Запасной игрок» смотрел и с сожалением вспоминал, как мы круиз на «Нахимове» не завершили, из-за какой-то бандеровской сволочи. А Вицин (до того успевший сняться и в «Она вас любит»), на мой взгляд, сильно был в нашей истории недооценен, вот прилипла к нему маска одного из гайдаевской троицы, и ничего больше, а ведь у него и другие образы хорошо выходили, хоть в «Земле Санникова» (про это слышал, ждет очереди на пересъемку с резолюцией: «Добавить научной глубины»). Ну и, конечно, фильмы в стиле соцреализма про трудовые будни – как Аня с моей благоверной в «Высоте» снялись (со второй попытки). И, на мой взгляд, гораздо удачнее получилось, чем первая (бывшая почти копией той, из иного времени), намного лучше дух эпохи передает. Вот только «ветренная» сцена (укрошение подвешенной трубы), причем с двумя участницами, вышла такой, что Мэрилин от зависти умрет (а скорее, в том американском фильме, еще не снятом, этого эпизода и не будет). Аня Лазарева до сих пор на Пономаренко в обиде – ну нельзя же из инструктора ЦК делать посмешище с раздеванием! Хотя, на мой взгляд, там ничего такого на экран не попало, в «эти» моменты камера на героинь крупным планом по пояс – в кадре лица, красивые и одухотворенные, а не ноги, как у той Мэрилин, ну а юбки над головой не более чем фон.

– А это как в сценарий будет вписано, – ответил Пономаренко, – если потребуется, ради интересов СССР. Кстати, а

где вы сценарий возьмете – или лишь изобразите, что снимаете?

– Есть сценарий. Известный вам товарищ с «Воронежа» на пару с нашим будущим светилом фантастики написали, и мы с Люсей (Лючия кивнула) как раз перечитывали вчера. И думали в следующем году предложить «Мосфильму», а вот как повернулось. В крайнем случае сделаем то же, что с «Высотой» первой редакции – материалы не пропадут. Что-то снимем там, что-то тут, уже после. Главное – получим глубокое погружение в обстановку и взгляд изнутри.

– И вы, Анна Петровна, снова видите себя на экране?

– Я – нет. А вот для Люси там есть роль, написанная прямо на нее.

Тут уже вступаю я. Помня, как Пономаренко в сорок четвертом Аню так же в Киев послал, просто посмотреть, и прямо в пекло бандеровского мятежа. Непонятки, что там, – ну значит, еще опаснее. А так как ссориться с любимой женой себе дороже, то зайдем с другого конца.

– Пантелеймон Кондратьевич, тогда я вижу отличный случай проверить нашу команду в деле. Если потребуется силовое вмешательство. Тем более я сценарий тоже читал (если вы о том, что Слава Князев с Аркашей Стругацким наваляли) и даже советы давал. Там каскадеры будут нужны – вот наши ребята и сыграют.

Валя Кунцевич, понятно, счел свое участие обязательным. Вечный ты капитан, а не подполковник – но в твоих

боевых качествах усомниться я не пожелал бы и врагу. И конечно, мотивация у тебя, как ты на «Нахимове» сказал, «меня даже атомная бомба не взяла – и пока я живой, с Анной Петровной ничего не случится».

Ну, а товарищ Кириллов лишь усмехался. С видом, что вышло все так, как он и ожидал. Интересно, он тоже с нами едет, или остается в Москве?

*Москва, Большой дом по адресу —
площадь Дзержинского, 2*

Помещение для допроса. Окон нет, мебель прикручена к полу.

– Осужденный Штеппа доставлен.

– Так заводи, свободен... Ну что же вы, Константин Фео-
досьевич, и вашим и нашим всю свою жизнь? И хоть бы при
этом не лгали! Были офицером в армии Врангеля, в двадца-
том в плен попали – и ведь не расстреляли вас злобные боль-
шевики, а дозволили карьеру сделать, и очень неплохую –
докторскую диссертацию вы защитили, стали профессором
Киевского университета, сначала завкафедрой, затем декан
исторического факультета и депутат Киевского горсовета. И
чего тебе не хватало, сволочь? Ах да, с двадцать седьмого,
одновременно с профессорством, числились осведомителем
НКВД – кстати, ваши доносы на коллег, соседей и просто
знакомых сохранились у нас в архивах. И на вашего настав-
ника Грушевского, который вас считал самым лучшим из

своих учеников, тоже есть, вот бы огорчился Михаил Сергеевич, прочти он то, что вы про него пишете.

И не надо сейчас из себя жертву режима изображать. Арест в 1938 году – иные на Колыме сгинули, лагерной пылью, а вы меньше чем через год – на свободу и в университет, на прежнюю должность. И чем вы за то советской власти отплатили – при немцах член Киевской городской управы, редактор поганой газетенки, удостоившийся благодарности самого гауляйтера Коха за гнусные антисоветские пасквилы, и в то же время нештатный агент-осведомитель гестапо (ваши доносы на советских патриотов тоже в архивах остались). При бегстве немцев с Украины ты, сцуко, еще успел с ними драпануть и даже в Берлине еще один поганый листок издавал, для власовцев и бандеровской сволочи. Пытался бежать дальше на запад, к американцам, однако в Мюнхене был задержан СМЕРШ. И за все это, по совокупности, даже не «четвертной», а всего пятнадцать лет, это кто ж такую неуместную гуманность проявил?¹¹

Итого, сколько вы уже отсидели, больше половины срока? Увы, Константин Феодосьевич – Военной коллегией Верховного суда дело возвращено на доследование. И по всему, вам на «четвертной» тянет – это если не будет доказана ваша причастность к событиям в Бабьем Яре, тогда вышак. Впро-

¹¹ Все факты биографии К. Ф. Штеппы подлинные. Кроме последнего – у нас он был одним из учредителей Мюнхенского института по изучению СССР, активным сотрудником НТС. С 1952 г. в США, сотрудничал с ЦРУ, умер в Нью-Йорке в 1958 г.

чем, даже если вариант первый – сидеть вам придется не в Караганде, а где-нибудь на северах, и на хлебную должность, вроде учетчика, не надейтесь с штрафной пометкой в личном деле. Нет, есть еще и третий вариант – ну да, подписка, и «на опыты». Что? Простите, не расслышал...

Ну, вы же образованный человек, Константин Феодосьевич. Приятно с такими иметь дело. Да, есть четвертый вариант – иначе зачем бы вас сюда этапировали, решение суда вам и в лагере могли зачитать – и здравствуй, Колыма! А как вы смотрите на то, чтобы вернуться к профессорству? Нет, не в лагере, ну что за шутки? В Львовском университете.

Вам воды налить? Ну, чудненько. Конечно, не просто так! Вы, конечно, с последней научной литературой незнакомы? Труды некоей Гимбутас, о прародине славянских племен, и теория этнологии, кстати, поддержанная самим товарищем Сталиным, что основа любой нации – это этнос, то есть коллектив людей, объединенный общей идеей, то есть целью, а также имеющий уникальные стереотипы поведения, определенные ведением хозяйства, окружающим ландшафтом и историей коллектива. И за эту идею члены этноса реально готовы жизнь отдать. Да, это и вера может быть, как в любимые вами казацкие времена был Андрий, сын Тараса, православным и считался казаком – а как перешел в веру католическую, стал уже поляком. Но вообще-то идея любой может быть – и «За веру, царя, Отечество», и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и «За Родину, за Сталина», – важно

лишь, чтоб за нее кто-то готов был грудью на амбразуру.

Так я вас спрашиваю – вас, первого ученика самого Грушевского, – что тогда есть украинский этнос? А нету его вовсе! В казацкие времена сами запорожцы называли себя «русскими», как синоним православных. Само слово «украинцы» впервые появилось в польских документах шестнадцатого века, для обозначения вспомогательных войск при панах, ну как в эту войну полицаи. Никакой такой «украинской» идеи не было и близко – когда Богдан Хмельницкий провозгласил «навек с Москвой и русским народом», на Правобережье еще почти полвека паны-атаманы грызлись меж собой, не за ридну Украину, а исключительно кому первым паном быть, и поляков призывали себе в помощь, и татар. Флаг ваш желто-синий – это цвета знамени шведского, когда Карл под Полтаву пришел и велел мазепинцам себе ленты нацепить, чтобы их от русских казаков отличать. Ну а после – настал на Украине мир да покой под рукой российской, и никаких таких «украинских» побуждений не было, до времен недавних. Бунт Кармалюка в 1830-х не в счет, это чистой воды пугачевщина была, «бей и грабь» – никаких национальных предпочтений и лозунгов не отмечено, и как среди «кармалюков» были на равных и украинцы, и русские, и поляки, и евреи, так и чужих эти робин гуды резали без всякого разбора.

Так все-таки про этнологию. Раз главный признак этноса – это идея, то ее выразители – это герои, вы согласны? А

назовите мне хоть одного героя Украины – чтоб именно за нее, а не за Россию, на русской службе? Мазепа – ну, знаете, такой швали в любой нации хватало, вот захотелось на трон влезть, не гнушаясь средствами, было бы выгодно, он хоть за черта и его мать орал, а не только за Украину. А реально, когда появилось «украинство», чтоб против русских? Да, верно – вот такая украинская идея? А именно – «мы не русские, мы им враги». И с какого времени это в истории, где впервые отмечено?

Верно – Австро-Венгрия, ее восточная провинция, конец девятнадцатого века. Подобно тому, как Бисмарк после присоединения Эльзаса и Лотарингии советовал всячески поощрять местный национализм, «чем больше будут чувствовать себя эльзасцами, тем меньше французами». В Вене думали так же – если все «украинские» общества, кружки и тому подобное получали поддержку из австрийской казны. И разведка тоже руку приложила, это ж какая агентура может быть? Были, конечно, идеалисты вроде Ивана Франко, которые на эту приманку ловились – приятно ведь, когда твоя нация выше всех, мы культурные европейцы, а к востоку лишь сырые и убогие русские варвары?

Да нет, не шучу. Вот представьте, каким у вас в воображении рисуется «украинец», пусть даже карикатурно – такой чубатый, толстый, в шароварах. И кому этот образ будет больше соответствовать – киевлянину или галичанину? Вот только вопрос – если Галичина никогда с нашей Украиной в

одном государстве не была (ну, если не брать совсем уж старину глубокую), то при чем тут киевские и полтавские земли? А ведь западенцы всерьез считают, что они – это щирые, ну а прочие – презренные русские полукровки.

Ну и что мы имеем в итоге? Что украинская «самостийность» есть сознательный проект врагов России – сначала Австро-Венгрии, затем панской Польши, и после – Германии. А никакого «украинского» этноса нет – есть лишь географическое понятие «Украина», территория, население, и все. Мы же не считаем отдельным народом рязанцев или сибиряков, хотя отличия и в говоре, и в быте есть?

Ну вот, я и рассказал вам всю «генеральную линию», которой вам, ученику самого великого Грушевского, отца-основателя, надлежит следовать. Нет, сразу все это на головы восторженных учеников валить не надо, не воспримут – инерция мышления, знаете ли... Конкретику с вами еще обсудят, но гнуть надо именно туда. И не дай бог забудете.

Ведь приговор ваш не отменен, а приостановлен. И если надо, достанем вас хоть из-под земли. Поедете тогда на «четвертной» в солнечный Магадан – туда сейчас рабочая сила требуется, дорогу до Якутска тянуть, кайлом махать на свежем воздухе при морозе минус пятьдесят.

Ах да, ну и, конечно, подписочку. Как вы делали уже – обязуюсь сотрудничать и сообщать...

«Дейли Ньюс». О фильме «Освобождение Парижа»

Шедевр киноискусства, одна из величайших картин всех времен и народов. Посвященный великому историческому событию, как девять лет назад американская армия спасла от разрушения один из центров мировой цивилизации.

В съемках батальных сцен участвовали тысячи солдат Армии США, сотни танков, самолетов, кораблей. Расходы на один съемочный день достигали полумиллиона долларов. Правительство США выражает благодарность Французской республике за принятие на себя части этих расходов. Как и подобает, в фильме о подвиге всех свободных людей цивилизованного мира, защищающих свои традиционные ценности против угрозы с востока.

Нацистский фанатик, генерал фон Колвиц, замыслил уничтожить Париж со всем населением в момент входа в него армии освободителей. Для этого он приказал заложить в парижских катакомбах первую (и пока единственную) немецкую атомную бомбу. Американская разведка узнает об этом от французских патриотов – и чтобы предотвратить злодейский замысел, в Париж забрасывается отряд десантников. Но подполье разгромлено гестапо, парашютисты попадают в засаду и погибают почти все.

У лейтенанта Баттлера из Кентукки и французской подпольщицы Ирэн есть всего сутки, чтобы найти и обезвредить атомную бомбу в городе, набитом немецкими войсками и кишящем

агентами гестапо. Удастся ли это? Смотрите фильм – и вы

не пожалеете денег, потраченных на билет!

*Посольство США в Париже —
в Госдепартамент, Вашингтон*

Показывать фильм «Освобождение Парижа» в самом Париже будет сейчас не слишком желательным. Здесь еще хорошо помнят, как генерал Колвиц умолял нас скорее прислать кого-нибудь в достойном чине и хотя бы с батальоном войск, «перед кем я бы мог капитулировать с соблюдением приличия – не уличным бандам макизаров же мне сдаваться?».».

Лючия Смоленцева.

Поезд Москва – Львов. 12 августа 1953 г.

Пусть вечный бой. Покой нам только снится. И наградой – радость от одержанной победы. Что мир стал чуточку лучше и чище, когда умерли очередные враги.

– Если это враги, – ответила Анна, – ты ведь помнишь, что нам по медицине читали? В организме иммунитет – это когда бациллы гибнут, но что будет, если заодно и здоровые клетки с ними? Испанский грипп – когда защита к незнакомой угрозе не готова и не различает своих и чужих. Когда погибло больше людей, чем на прошлой Великой войне. Люся, ты на товарища Кунцевича не смотри – у него хорошо выходит командовать, но ему нельзя доверить что-то решать; он тактик поля боя, а не политик, не стратег. Его приоритет

– уничтожить врага, наш же – достичь цели, блага для СССР.

Я отлично поняла свою подругу – вспомнив, что сказал мне отец Серхио. В каждом человеке есть и добро и зло (за исключением святых и распоследних мерзавцев), и долг истинного наставника в том, чтобы помочь светлой стороне, влияя когда словом, а когда силой. Но «кто без греха, тот пусть кинет камень» – что будет, если считать грешниками всех, в чьей душе есть лишь малое пятно? И зачем воевать со всем миром, когда можно добиться своего дружеской любовью – так, кажется, было написано у великого Макиавелли? Этому нас и учат в Академии – «хорошо то, что хорошо для СССР и его друзей».

Но разве это плохо – быть счастливой от победы? Даже в моей родной Италии фильмы, где я снялась, и «Иван-тюльпан», и «Высота», имели оглушительный успех. Моя встреча с Софи Лорен – знаю, что у нее еще все впереди, ей всего лишь девятнадцать, хотя вряд ли она в нашей истории поедет в Америку, в Голливуд, скорее ее и в самом деле еще раз после «Битвы за Рим» в совместную картину на «Мосфильм» пригласят – и она раскроет свой талант, и станет более известной. Может, это и будет когда-нибудь, но вот сейчас я не хочу ей уступать. И потому, прочтя сценарий, что написали наши два гения, я твердо решила, что роль героини там моя. Вернее, двух героинь, разделенных веками. Знаю, что наша задача не только и не столько фильм снять – но хочется мне, чтобы и он был.

И Пономаренко думает так же. Поскольку режиссером в нашу команду ввел товарища из особого списка, кто в будущем станет великим, а пока лишь получил распределение на Мосфильм, так что это его первая работа.

– Поможем раскрыться таланту, дадим возможности. Устроили ему поступление во ВГИК на два года раньше, посмотрим, какой будет результат. Надеюсь, что вы сумеете обеспечить, чтобы нашего гения там бандеровцы не убили?

– Так не мальчишка ведь? – ответила Анна. – А тридцатилетний уже, фронтовик, в разведке служил, был ранен, имеет награды. Здесь ему не «языков» с той стороны таскать – и мы прикроем.

– Хотя жанр ему не сойдет? – спросил Пономаренко. – Все же там он совсем другие фильмы снимал, жалко, если тут не будет. У вас же не еще один «Иван-тюльпан» намечается, а что-то героически-историческое, да еще с фантастикой.

– Талант многогранен, – сказала Анна, – и ведь там он тоже в самом начале снял совсем не в том жанре. А после за дебют здоровый втык получил, «за политическую неправильность», мог бы вообще из профессии вон. Простите, Пантелеймон Кондратьевич, но мне показалось, что кого-то из заслуженных привлекать нельзя. Взбрыкнет еще, зачем нам в группе нужно напряжение? А этот товарищ – справится.

Святая Тереза, а вдруг и мне удастся сняться у него, лет через десять? Хотя это немного и не мой жанр – а впрочем, вспомнив «Тюльпан», а отчего бы и нет?

В этот раз мы ехали поездом. Мне пришлось оставить своих детей на попечение Марьи Степановны, тети Паши, тети Даши – знаю, все будет в порядке, детский сад и ясли в этом же доме, на первом этаже, воспитатели сами приходят утром, чтобы нашу «команду» (моих и Аниных) забрать, а вечером возвращают; старшие уже в школу ходят, но каникулы пока. И я надеюсь, мы вернемся через месяц (как Пономаренко планировал). В поезде я если не проводила время со своим мужем, то беседовала с Анной. Обо всем – в том числе и о моде, которая оказалась, с точки зрения «инквизиции», очень даже серьезным вопросом.

– Люся, ну ты же классиков читала, сдавала экзамен марксизм-ленинизм? Помнишь, что Ильич говорил про русскую интеллигенцию, обожает носить уже выброшенные в Европе тряпки... или шляпки? Это он фигурально, имея в виду идеи и теории, но ведь мода – это тоже индикатор. И как-то выходило, что, даже революцию совершив, в идейном плане мы во многом за Западом шли, верили в его «мудрость». Что *там* нас и погубило.

Я кивнула. Товарищ Елезаров нам в Академии лекции читал, а муж после давал разъяснения. Что теория «слияния» социализма и капитализма (в той истории, года восьмидесятые) оказалась, попав в СССР, чашей отравы. И что распад Советского Союза там был вызван лживыми поучениями, которым поверили имеющие власть, «сбросить на местных все издержки, забирая себе доход – господствуя не полити-

чески, а экономически». А уж как гонялись за «импортом» там, в будущем, простые граждане СССР! Теперь же оказалось, для «мониторинга» (как назвал это мой муж) большой интерес представляет, что в Риме подражают тому, что носят в Москве. Как, например, наши «рабочие» платья – мы в Академии шили их для занятий стрельбой и рукопашкой, когда нас обучали «будьте готовы не только в спортивном, но и в обычной одежде», так что девушки на некоторые тренировки надевали платья, но шили их из прочного, плотного и в то же время тонкого материала, в котором можно падать, перекатываться, ползать, юбка широкая, чтобы движения не связывала, длина на четверть ниже колена, верх закрытый, с длинным рукавом, и застежка спереди как на пальто, накладные карманы на груди или с боков – мой муж, меня увидев в этом платье, сказал – «стиль сафари». Одеваться так оказалось удобным и для улицы в нежаркую погоду – а после мы обнаружили, что такие платья пользуются спросом даже у тех, кто к Академии никакого отношения не имеет. С прошлого года «сафари» заняли место среди моделей РИМ, а теперь я увидела, они и в Италии популярны.

– Люся, ну чему тебя учили? Это же уникальный случай, когда точные цифры есть и можно посчитать и сравнить. Зная, когда и какие модели пошли в производство, сколько их было продано, в какие сроки, по разным городам – идеальный «мониторинг», на примере моды, как распространяются любые новые веяния, взгляды, идеи.

Именно что любые! После фильма, где мы с тобой были «советскими мерилин» – знаю, что в иной истории после той Мерилин такие аттракционы в парках были популярны, когда тебе внезапно под юбку дует, на потеху зевакам. Тот фильм в Америке еще не сняли, а я это безобразие уже видела в Риме, и не только в парке Вилла Боргезе, под музыку из того самого кино, «не кочегары мы, не плотники», но и у входа в самый большой универсальный магазин. Причем если у почтенных синьор лишь слегка подол надует, то у молодых, красивых, модно одетых синьорин юбки взлетают выше головы – визг, смех, аплодисменты зрителей, после чего жертве в компенсацию вручают купон на скидку, а магазину реклама и рост продаж. И это католическая Италия, где нравы куда строже, чем у каких-то французов!

– Люся, ну ты меня удивляешь. Неужели тебе не говорили, что иногда твои же девушки из РИМ, они же курсантки Академии, делают в аэротрубе? В исключительно женской компании, парней не допуская.

Я не поняла, отчего моя лучшая подруга рассмеялась. Есть у нас такое, для тренировки парашютистов – чтобы учиться в потоке своим телом управлять, я там бывала не раз (и конечно, надев летный комбинезон). Оказывается, после того самого фильма у наших девушек появилась игра – войти туда одетыми обычно, и кто дольше платье у ног удержит. Спорят, например, на мороженое.

– Ань, а это на подозрение наталкивает, не твоя ли идея?

Могла бы и мне рассказать!

– Люся, ты извини, но твои же «лючии» на тебя смотрят как на особу исключительно строгих нравов и боятся тебе что-то лишнее говорить. Так что учти – отрываешься от коллектива!

Учту и постараюсь исправить. Но «мини» никогда не надену прилюдно, и среди моделей РИМ его не будет. Хотя наедине с моим рыцарем вполне могу. Заодно испытаем, как Пономаренко говорит, «наш стиль против их стиля». Для чистоты эксперимента.

Мой муж, когда я ему этот разговор пересказала, ответил – а мини на мне бы смотрелось. Едва не получил от меня по щеке – и знал ведь, что мою руку поймает. Еще сказал, что очень хотел бы увидеть меня в той трубе, «и в этом самом платье, клеш без пояса, что на тебе сейчас – останешься ли ты в нем после».

Конечно, не останусь. Только двери в купе запрем, чтобы никто не заглянул.

Джек Райан.

Вашингтон, Белый дом.

12 августа 1953 г.

– Когда тебя застигает пожар в прерии и, казалось бы, спасения нет – то выручить может встречный огонь, уделите внимание Фенимору Куперу, где это описано подробно. А если попробовать так поступить с коммунистическим пожа-

ром, готовым сжечь весь свободный мир?

– Я прочел ваш отчет и доклад, – сказал президент, – отчетом о вашей московской миссии я доволен. А касаясь ваших предложений по Индокитаю – у вас десять минут, чтобы доказать мне, отчего я не должен прямо сейчас передать это в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Время пошло.

Айк Эйзенхауэр остался солдатом, даже сев в президентское кресло. Привыкшим, как большинство американцев, что спор решает кольт. Так и было во времена доктрины Монро, когда Штаты не имели равных противников рядом с собой. Но теперь США стали главным игроком не только в Западном полушарии, но и в мировом масштабе. А там другие правила – даже Британия, в лучшие свои времена, когда над ее владениями не заходило солнце, не могла себе позволить поступать исключительно с позиции силы. И если Штаты хотят править миром, то они должны научиться и этому. Хотя Айк любит надевать на себя маску прямолинейного солдата, общаясь с сенаторами, все же он не таков – дураки не бывают президентами. Значит, его можно убедить.

– Да, Джек, кто, поручил вам заниматься индокитайскими делами?

Назвал по имени, значит, все ж заинтересовался. А не намерен откинуть с порога. Что ж, попробуем убедить.

– Сэр, как истинный патриот Америки, я обеспокоен ее благом. Поскольку же Вьетнам сейчас – это самая болевая

точка, даже больше, чем Европа, где сейчас стабильность, то я считал своим долгом задуматься, как решить эту проблему. Как вы знаете, я считаюсь здесь в Вашингтоне одним из лучших знатоков русских – еще со времен Фрэнки. Мне хорошо знакомо их мышление – у них есть такая поговорка: клин клином вышибают. Я пытался взглянуть на индокитайскую проблему с той стороны, как бы русские на нашем месте попробовали ее решить.

При том, что мы фактически оплачиваем Франции всю ее индокитайскую войну, берем на себя тыловое обеспечение их армии, поставки оружия, боеприпасов, амуниции – уже потеряв север Вьетнама, на юге коммунистические повстанцы убивают французов даже в Сайгоне, вот-вот коммунистическим станет Лаос, и готова вспыхнуть Камбоджа. То есть способ нашего «косвенного участия» себя полностью исчерпал и ведет к поражению – не позже чем через год мы получим весь Индокитай под коммунистической властью и рукой Москвы. Что вызовет чрезвычайно опасный для нас эффект домино – угрозу коммунистических революций в Бирме, Таиланде, на Филиппинах, а также окажет крайне пагубное влияние на сражающийся с коммунизмом Китай, а возможно, даже и на Японию.

В то же время, при нашем полномасштабном вмешательстве в войну, с бомбардировкой северовьетнамской территории и последующим наступлением на Ханой, наиболее вероятным ответом СССР будет разрыв с нами соглашения

по Китаю, «только желтые убивают желтых». Появление на фронте у Янцзы пары миллионов маньчжурских и корейских «добровольцев» и нескольких десятков советских дивизий станет безусловно фатальным для армии Чан Кайши, несмотря на ее некоторый прогресс за последние годы. Нам придется или начинать с русскими Третью мировую войну, или сдать им весь Китай – причем с перспективой советского наступления до Сайгона. То есть это будет вариант еще более худший, чем наше невмешательство.

Вариант «ограниченной войны», когда наша армия высаживается на юге Вьетнама, но не пересекает границу ДРВ, занимаясь лишь восстановлением порядка, хотя и не влечет немедленных катастрофических последствий, но также для нас неприемлем. Мы тогда имеем бесконечную войну с партизанами, имеющими постоянную подпитку с Севера и поддержку населения (а значит, мобилизационный ресурс). Франция за восемь лет получила из Вьетнама сто тысяч гробов, вряд ли наши потери будут меньше, и нет никакой уверенности, что мятеж удастся подавить. Проблема в том, что наибольшему сокращению после сорок пятого года подверглись именно наши сухопутные войска. Сэр, я уже имел беседу с генералом Риджуэем, все цифры в приложении к моему докладу – для наведения порядка в одном лишь Вьетнаме, не затрагивая пока Лаос и Камбоджу, нам необходимо не менее тридцати дивизий. Французы сейчас там имеют, с учетом всех полицейских формирований, силы, эквивалентные

двадцати дивизиям – и результат налицо, что этого недостаточно. Но ситуация в мире сейчас такова, что тридцати «валентных» дивизий у нас просто нет – мы не можем ослабить группировку наших войск в Европе, не можем оставить без нашего военного присутствия Японию, Филиппины, а главное, Китай! Следует также учесть, что во Вьетнаме тыловая инфраструктура не обеспечит боевых действий такого числа войск.

– Минуту, Джек! А чем тогда занимался во Вьетнаме наш Инженерный корпус?

– Работал в соответствии с требованиями французов, сэр. У которых, во-первых, армия много меньшей численности, во-вторых, нет техники тяжелее «Шермана», под наши «паттоны» нужны совершенно другие дороги, а главное, мосты. И в-третьих, у французов во Вьетнаме нет и не было реактивной авиации – что влечет соответствующее качество аэродромов. Если бы у нас было время – пять, а лучше десять мирных лет, необходимых нам для строительства всего необходимого – военных баз, аэродромов, складов, дорог, мостов¹². Так же и для дрессировки местных в подобие армии – то, что сейчас в наличии, это банды сброда, способные лишь грабить. А поскольку этого нет, то нам придется начинать войну в неблагоприятных условиях и вести ее долгое время, с большими затратами и перспективой завершить ее как французы – лет через десять будем вынуждены убраться

¹² Именно этим американцы занимались в Южном Вьетнаме с 1954 г. по 1965 г.

из Сайгона, окончательно сдав Индокитай красным и списав в убыток миллиарды расходов и сотню тысяч жизней наших парней.

– И потому вы предлагаете сдать Индокитай комми прямо сейчас? Пусть даже это будут наши комми, как это удалось Хейсу в Испании. Которых, если я правильно понял, пока что там физически нет. И откуда вы их возьмете?

– Сэр, решение проблемы мне подсказала русская пословица: если не можешь предотвратить, то возглавь и веди, куда тебе надо. Что представляет хороший пример «непрямого» подхода, как сказал бы мой английский друг, Бэзил Линдел Гарт. На мой взгляд, азиаты склонны к тоталитаризму гораздо больше белых людей. И тогда нам удастся показать миру истинное лицо коммунизма – вызывающее всеобщий ужас и отвращение! То, что сделали русские со своими украинскими повстанцами – и это будет не какой-то суд, а натурный эксперимент. Хотите коммунизма – так получите его сполна. Показать, что будет, если коммунистические идеи воплотить в жизнь максимально полно, довести до края. Чтобы мир увидел – и содрогнулся. Вот что готовят коммунисты всем – и китайцам, и европейцам.

– Вы не ответили на вопрос – кто? У вас уже есть кандидатуры?

– Сэр, я был в Париже летом пятьдесят первого. И там, среди прочего, мое внимание (и нашей парижской резидентуры) привлек кружок молодых выходцев из Индоки-

тая. Если точнее, из Камбоджи – хотя французы объединили три индокитайских королевства в единую административную единицу, различия между местными племенами довольно существенны, и даже наиболее европеизованные их представители, приехавшие в Европу учиться, создают свои «землячества», не смешиваясь между собой. Главой там был некто Салот Сар, студент Сорбонны, а еще член ФКП с крайне радикальными взглядами – настолько, что он даже Сталина считает ренегатом. Нам удалось сначала подвести к нему одного парня из «испанцев Хейса», ну а затем мне самому захотелось поближе взглянуть на столь любопытный человеческий экземпляр. У нас завязалось сотрудничество, а в прошлом году мы даже помогли ему, употребив свое влияние и деньги, когда нашего героя хотели выгнать из университета. Ну а теперь ему придется вернуться домой – после известного инцидента в Сайгоне, туземным выходцам из Индокитая во Франции стало столь же неуютно, как нигерам в Алабаме лет сто назад.

– И как вы собираетесь его контролировать – если он коммунистический фанатик?

– Сэр, на взгляд с его стороны – мы хотим вытеснить с рынка конкурентов-французов, ну а он ради своей идеи готов принять помощь хоть от черта, подобно тому, как Ленин в семнадцатом от германского правительства. Причем очевидно его желание нас обмануть и, придя к власти, забыть о любых своих обязательствах, строя свой коммунистический

рай. Не понимая, что нам по-настоящему это было и надо. Пусть покажет во всей глубине.

«А еще это будет весьма неожиданный ход с нашей стороны, – подумал Райан, – если даже *те* знают свое будущее, не сумеют они предвидеть от нас таких действий. Не могут они быть всеведущими – иначе и смысла нет им сопротивляться. Но “челлендж” – это наша американская идея, мы будем драться до конца».

– А вы учли, что сейчас в Камбодже действуют прокоммунистические банды так называемых «кхмер иссарак»? Контролирующие треть территории страны, на востоке, у вьетнамской границы. При том, что ваши ультра, насколько я понял, еще не покинули Париж.

– Сэр, тут нам поможет, что эти коммунисты находятся под сильным влиянием Ханоя и Москвы, – а в Камбодже очень сильны антивьетнамские настроения. И потому наши новые коммунисты, кто также объявит целью освобождение крестьян от помещичьего рабства, но также и от вьетнамского ига, будут в перспективе очень популярны. Мы уже сумели «сделать вождей» в Китае – Сунь Ятсен, Чан Кайши. А Камбоджа куда меньше размером.

– Однако, чтоб завоевать авторитет, этот ваш вождь должен будет реально воевать за свободу своей Камбоджи. Убивать наших американских парней. Это тоже входит в ваш план?

– Сэр, пока что там нет наших войск – и когда они там по-

вяются, неизвестно: Комитет начальников штабов решения еще не принял. И даже после – достаточно ограничиться высадкой в одном Вьетнаме и Лаосе, но не Камбодже. Там пока есть лишь наши инженеры и медики, но, учитывая наши особые отношения с месье Салот Саром, есть хороший шанс договориться о нейтралитете, ведь это удалось во Вьетнаме, даже вьетконговцы пока не трогают там американцев. Ну а французов не жалко. Кроме того, на политическом поле там есть еще одна фигура, беглый монарх Сианук.

– Я так понимаю, это пока не более чем общая идея. Когда я увижу детальный план?

Райан мысленно прикинул сроки – необходимые, чтобы команда экспертов из Госдепа, ЦРУ, армии и флота проработала все частности. Ну а камбоджийцам придется уже в самые ближайшие дни покидать Париж – время не ждет. Париж, хотя уже и не столь великолепный, как в лучшие свои времена, но пока еще по-прежнему столица мировой культуры, где интеллектуал из Штатов мог общаться с такими, как Кенг Вансак, Салот Сар, Иенг Сари – азиаты, пытающиеся перенести учение Маркса, Ленина и Троцкого на свою почву с такой беспощадностью, что страшно представить, что будет при их успехе, тут, наверное, Дантов ад покажется раем.

И пусть. Как сказал Бисмарк, чтоб где-то построить коммунизм, надо выбрать страну, которую не жалко. И что такое какая-то Камбоджа, когда на кону интересы Соединенных Штатов?

Салот Сар. Из «Коммунистического манифеста красных кхмеров»

Деревни окружают города.

В деревне – труженики, выращивающие рис. В городе – паразиты, сидящие на их шее. Перекупщики, торговцы, чиновники, несправедливые судьи, палачи-солдаты.

Крестьянин честен, не зная грамоты. Лжецы придумали письмо. Писанные законы, по которым труженик всегда должен, всегда неправ. Закон всегда против крестьянина – и даже когда иначе, разве может житель деревни найти справедливость в городском суде?

Коммунизм учит, что все люди братья, все равны. Как всегда было в деревенской общине – но не в городе, где каждый готов убить соседа за свою прибыль и собственность, за богатство свое и семьи. Собственность делает людей врагами – потому должна быть запрещена. Родство заставляет считать кого-то более ценным, чем все общество – и потому оно должно быть запрещено. Из каждой тысячи людей сейчас, за вычетом явных врагов, которые должны быть немедленно убиты, девятьсот девяносто девять – это лишь заготовки для будущего человека-коммунара.

Есть лишь одно средство перевоспитания – общий деревенский труд, который даже из обезьяны сделал человека, а из заготовки сделает коммунара. Общий труд, от восхода до заката, на благо коллектива, ничего для себя. Кто не выдер-

жит этого испытания, тот не должен жить. Те, кто отрицают наши правила, не должны существовать – не только люди, но и страны, народы. Те, кто на словах клянутся в верности коммунизму, а на деле поступают иначе – должны умереть первыми.

Деревни окружают города сегодня. Завтра городов не будет.

Анна Лазарева.

Львов, 15 августа 1953 г.

Ехать было приятно – скорый поезд, мягкий вагон, купе (которое я, пользуясь своим положением, в одиночку занимала). Соседи с одной стороны Смоленцевы, Юра с Люцией, с другой Кунцевичи, Валя с Марией. Которая попала в наш состав как медработник (а поскольку из госпиталя при нашей конторе, то «наш» человек, с нужными допусками). Выбор свой сделала – готовилась с сентября в институт поступать, но решила, что лучше с мужем. Ну а дальше посмотрим: или при нашем Валечке лишь женой и домохозяйкой останешься, сына ему родишь, или на следующий год поступишь. Ну и третий вариант, если в этом деле себя покажешь и сама пожелаешь, то станешь нашим полноценным кадром, агентессой «инквизиции». Что не исключает и мединститут – нам образованные люди нужны.

Надеюсь, при посвящении девочку слишком пугать не будут? А то устроили – нет, не шутейный обряд вроде ма-

сонской ложи, описанной у Льва Толстого, а вполне серьезный разговор о трудной доле «агента внутренней разведки» и невероятных опасностях, даже превышающих таковые у агентов разведки внешней. После того как сам Пономаренко устроил виновным разнос, от обряда отказались – но уже прошедшим его никто ничего не разъяснял.

А опасности – они всюду бывают. Лично меня, если не считать партизанского отряда в Белоруссии (я тогда в конторе еще не работала), за все годы трижды убить пытались – и что? Уже когда я Лазаревой была, а не Смелковой, случилось мне на улице встретить Аркашу Манюнина, бывшего своего одноклассника по ленинградскому универу еще до войны – с его умом по науке пошел, с близорукостью на фронт не попал. В пятьдесят втором я снова с ним пересеклась по делу – перед тем как в Берлин лететь, потребовалась мне консультация, разговорный и военный немецкий я очень хорошо знаю, а в высокой литературе плаваю, все ж не доучилась я, со второго курса иняза ушла. У Аркаши жизнь по накатанной – там же на кафедре доцентом, кандидат уже, докторскую готовит, утром из дома, вечером домой, женат, сын уже родился, – и с палочкой ходит, в рассеянности под машину попал, и шутит еще, хорошо, что живой остался, ребра срослись, сотрясение прошло, а нога пока не в норме. А на мне с сорок четвертого (того самого киевского дела) приговор от ОУН так и висит (и Пономаренко тогда всерьез сказал, на территории Украины мне лучше не появляться), ну так где

сейчас эти бандеровцы и персонально Василь Кук, что тот приговор мне вынес? А я еду сейчас в город Львов, поскольку для дела надо.

Прибыли, проводница по вагонам прошла, объявляя. Собраться одна минута – плащ накинула, шляпку надела, большую сумку с «походными» вещами на плечо. Есть еще чемодан в багаже, там же, где прочее имущество нашей «киногруппы с Ялтинской студии». Из купе выхожу – Юра, Валя и Лючия в коридоре меня уже ждут, как охрана.

– А вообще, я ребятам скажу, чтоб около вас были двое. Пономаренко указал – будет снова «ленинград», мне отвечать. Так что, Анна Петровна, вы уж нас не подводите.

Это в пятидесятом было – когда мы с Люсей решили возле Невы погулять, от приставленной к нам охраны бессовестно сбежав. Так про то, что после было, в нашей конторе до сих пор вспоминают. А ленинградские товарищи, наверное, еще больше. И наказал нас Пономаренко сверх уставного порядка – сильно подозреваю, что когда мы с Люсей в кино снимались, сценарий изменить он с твоей подачи, Валечка, велел, увековечив нас в образе «советские женщины не монашки, а мерилин». Но больше получать взыскания не хотим – и Львов не Ленинград, хотя и говорят, что бандеровщину придавили уже... но вспомню, как Василь Кук хотел моего сыночка убить, так дрожу. Ну, если и тут щиросвидомые виноваты, я им такое устрою, Киев сорок четвертого милосердием покажется! Полномочий у меня хватит – документ с

подписью «И. Ст.» на последний случай в кармане лежит.

– Товарищ Шевченко? Я Кармалюк, порученец от ЦК.

Шевченко – это, по документам, я. Так же, как в Киеве тогда Ольховской была. А имя-отчество оставила свое, чтоб не путаться. По легенде, всего лишь администратор киностудии. Но те, кто надо, предупреждены – и товарищ Федоров тоже.

– А насчет багажа и имущества не беспокойтесь, доставим в полном порядке. Вам уже номера в «России» готовы.

К соседнему перрону почти одновременно с нашим прибыл поезд «Краков – Москва». Там стояло оцепление, причем не только милиция, но и ребята в штатском с красными повязками, и карманы характерно оттопырены – впрочем, иметь пистолет для коммунистов и комсомольцев (особенно сотрудничающих с милицией и ГБ) закон позволял. Но кого же они так встречают – ведь таможенный и пограничный контроль на границе должен быть, а не здесь? И товарищ Кармалюк, увидев, скривил физиономию, будто лимон съел. Вижу, милиционеры и красноповязочные какую-то семью крестьянского вида, на перрон вышедшую, грубо назад заталкивают, слышу причитания и плач. А под соседний вагон кто-то нырнул, да не налегке, а с узлами – за ним погнались, крики, ругань, милицейский свисток!

– Опять бандеровцы, – скривился Кармалюк, – не бойтесь, товарищ Шевченко, это мы их просто зовем так. Из Польши всякие, кто захотели советского гражданства. Так мы не

против – но только не здесь, а в Сибири или Казахстане, и без компактного проживания. А некоторым это не нравится, здесь заныкаться норовят – сначала разжалобив «дозвольте по ридной земле пройти», а после деру! Нет уж, шалишь, если у тебя указано в бумаге Караганда или Барнаул, то раньше ты из вагона и не выйдешь.

– А кого поймают, их назад в Польшу шлют? – спросила Мария.

– Зачем? – ухмыльнулся Кармалюк. – Это уже уголовная статья выходит, незаконное проникновение на территорию СССР. Так же, как и те, кого после у родни поймают. Поскольку беспаспортные и вне разрешенного места проживания. По закону все.

Маша – девочка городская, в шестнадцать лет, как положено, получила паспорт гражданина СССР, дающий право свободно перемещаться по всей советской территории. Есть он и у всех отслуживших в армии, у бывших фронтовиков, само собой, и даже у тех, кто сумел хоть временно в городе поработать, после его не отбирают. Кто замуж выйдет за городского, тоже паспорт получает. И никто не будет к ответу привлекать мать, сестру или иную родственницу, решившую кого-то в городе навестить. Но если «лишенец» на запретной территории попадется – а таких тоже хватает, если деревенский и в армии не был, то самый вероятный случай, что в тюрьме сидел, или в войну с немцами сотрудничал, но на высшую меру или долгий срок не заслужил, или пособник

или член семьи всяких там «лесных», административно высланный в отдаленные районы – ну, в общем, тот, кто в чем-то провинился перед советской властью или по иной причине не пользуется ее доверием, – то три года ему суд пишет автоматом. А польские украинцы – это случай особый, они там почти поголовно повязаны были в структуры ОУН-УПА, против панского гнета, зачем нам на своей территории такой горячий материал? Потому не было здесь никакого массового обмена украинцев на поляков, принимаем сугубо индивидуально, с персональным рассмотрением и заселением без мест компактного проживания, там, где рабочие руки нужны.

– Жалко, что из-за всяких там приличные люди неудобства испытывают, – тем временем разливается Кармалюк, – для «наших» бандеровцев в поезде последние вагоны выделяют, три или четыре, в Москве их к сибирскому составу перерецепят, ну а в прочих же едут обычные пассажиры. Так эти сподобились всеми правдами и неправдами в голову поезда пробираться, чтобы тут сойти.

А Маша смотрит на тот поезд – и показалось мне, слеза у нее в глазу мелькнула. После беседу с девочкой наедине, что жалость – это, конечно, вещь достойная и часто полезная, но не тогда, когда ослепляет. Сама я привыкла – своим все, нейтральных не трогать, врагов убить. И Валечка твой ненаглядный того же мнения – ты после спроси его о китайских приключениях, и отчего он за них никакой награды не

получил. Если не хочешь с ним разлада. Ну, а эти не стоят слов, взгляни, и мимо, какому Дантову кругу соответствует? Поехали – нас дела ждут.

Отчего-то я представляла Львов подобием старого Парижа – узкие улочки, старинные дома и катакомбы, где скрываются банды таких, как Кук. Увидела же (по пути, как нас на машинах от вокзала везли) вполне современный город, с фабричными трубами на окраинах. Нас поселили в отеле «Россия», на площади Мицкевича – рядом бывшая Ратуша, сейчас место пребывания самой главной советской власти здесь, по традиции на площади должен быть памятник, тут их целых два, и не на постаментах, а на колоннах – но не Ленину, а поэту, в честь которого названа площадь, а второй вообще статуя Богородицы. Посреди круглый фонтан, украшенный барельефами дельфинов, зеленые газоны, рядом с нашим отелем еще один, гостиница «Европейская», за ним здание пассажа (сейчас магазин «Детский мир»). Меня разместили в номере, в котором, как сказали, останавливался австрийский император Франц-Иосиф, когда приезжал во Львов – можете представить, что там была за роскошь. Хотя я тут же подумала, в этих комнатах можно незаметно целую банду разместить в засаде. А мебель из прочного дуба – пожалуй, и пуля из маленького браунинга, какие я и Лючия постоянно носим при себе, эти доски не пробьет.

И когда пришло время визита к местной власти (не только представиться, но и взаимодействие организовать), нам даже

не нужен был транспорт, лишь пешком по площади пройти. Была прекрасная погода, солнце и тепло (мы с Люцией даже плащи не стали надевать). Я, римлянка с мужем, Валя Кунцевич, еще Аркадий Стругацкий и товарищ режиссер (как можно без них – тем более товарищи в курсе и под подпиской), нас сопровождали четверо ребят из киногруппы («песцы», старшим Мазур). Товарищ Кармалюк сначала выразил недоумение – это лишнее, взгляните в окно, сколько тут милиции и военных патрулей. На что Валя ответил: «А вы еще вспомните эрцгерцога в Сараево, тоже там полицаи стояли как столбы, и помогло? Тут я и посторонних прохожих вижу – а если кто-то из них окажется как Гаврила Принцип?»

Мы шли по брусчатке площади. Ярко светило солнце, журчал фонтан.

– Двое слева, тридцать метров, – вдруг сказал Валька, – внимание!

Двое парней шли к фонтану, нам наперерез. Слишком быстро, целеустремленно, и лицо у одного было напряжено. Одеты легко (то есть автомат не спрячешь), а для пистолета слишком далеко для уверенной работы. А вот гранату добросить могут вполне. Люция рассказывала, как в Риме, прямо на площади перед Дворцом Правосудия, на них напал арабский террорист.

– Как начнется, ложитесь, – бросил Смоленцев мне и Люции, – работаем лишь мы.

– Гоголев, твою мать! – заорал Кармалюк, обращаясь к

милиционеру рядом. — Ты что, этих не видишь? Опять идут!

Старшина, отдававший нам честь, обернулся — и выхватил не ТТ, а свисток. Двое парней бросились к фонтану, а на них со всех сторон набегали милиционеры. Один успел взмахнуть рукой и кинул в воду букет алых цветов, кажется гвоздик, второго скрутили раньше. Руки за спину, и потащили куда-то прочь.

— Хулиганье! — сказал Кармалюк. — Раньше свой мусор к богоматери клали, мы уж устали убирать. Так теперь надумали в фонтан — а нашим казенное обмундирование мочить, туда залезая. Сволота рагульская!

Хорошо, мне не пришлось платье испачкать, падая в пыль. А не похожи эти ребята на хулиганов — да и где это видано, чтобы апаши бесчинствовали днем, перед домом власти, и где милиции едва ли не больше, чем прохожих? Зато мне вспомнилось (из прочитанного), что это место было традиционным для всяких протестных собраний, еще с 1848 года, и особенно среди молодежи. Смушали лишь красные цветы — я знала, что у бандеровцев этот символ совершенно не принят. Что ж, товарищ первый секретарь, придется вам ответить на некоторые вопросы.

Товарищ Федоров, первый секретарь Галицко-Волынской ССР, встал из-за стола, приветствуя нас. Хорошо знакомый мне по Киеву сорок четвертого, он тогда пост принимал у меня (не у предателя же Кириченко), когда мы там бандеровский мятеж давили. Поздоровался со мной, с Люцией, Юрой,

Валькой (тоже знакомы с ним были по тому делу), я представила Стругацкого и товарища режиссера.

И пожалуйста, не надо официального «товарищ инструктор ЦК», можно просто по имени-отчеству. Тогда в Киеве я даже к старым и заслуженным партийным товарищам относилась без особого почтения – если они у себя под носом бандеровщину просмотрели, а то и видели что-то, но думали, так будет лучше. Но Алексея Федоровича, партизанского генерала, дважды Героя и автора известной и здесь книги про подпольный обком, я очень уважаю. И в измену таких людей поверить не могу никак – иначе же и впрямь в пору СССР ще вмерла, тьфу!

– Так что, уважаемый Алексей Федорович, давайте опустим вводную часть беседы об успехах социалистического строительства и перейдем непосредственно к делу. К докладной записке за вашей подписью – хотелось бы услышать подробнее о текущей обстановке, что тут не так?

– Нет тут бандеровщины, – сказал Федоров. – Львов и окрестности еще до меня, после киевских событий чистили так, что лишь стружка летела. Тут все же центр, и партийная власть, и советская, и командование Прикарпатского ВО – порядок у себя под боком наводили жестоко. И Львов – это совсем не украинский город, тут и до войны украинцы в меньшинстве были, а бал правили поляки и немцы, еще еврейская община была многочисленной, даже армяне живут с незапамятных времен. Сейчас же русских большинство

(а если украинцы, то восточные) – вот не считите за славословие, но с Победы мы тут заводов построили: механический, танкоремонтный, авиаремонтный, телеграфной аппаратуры, электроизмерительных приборов, автопогрузчиков, еще обувная фабрика, колбасно-консервная, ювелирная и конечно, Львовсельмаш. Все это, заметьте, уже в советское время – до нас тут были в лучшем случае кустарные мастерские. Еще автобусный завод в следующем году будет готов. И работать на всем этом едут наши, советские люди с Востока, кто бандеровщину на дух не переносит. Поначалу да, трудно было, и убивали наших по ночам, и дома жгли. Так приходилось отряды рабочей самообороны организовывать – благо многие воевали. Ну и помогало, повторю, что не могли здесь бандеровцы опереться не на украинцев. Поляки лесным «хероям» Волынскую бойню не простят никогда, а евреи – большой погром сорок первого года. Еврейское население здесь было вырезано на девяносто девять процентов – не самими немцами, а их холоуями.

– Простите, Алексей Федорович, а откуда тогда сейчас взялась еврейская община?

– Так после со всей Галиции ехали, кто уцелел. Поскольку на селе евреям было просто не выжить. Так же и поляки. Немцы еще остались, хотя и в меньшем числе. Ну а армяне – они торгаши, издревле с евреями конкурировали, но и с бандерами вместе им никакого интереса нет сейчас. Сам я здесь с пятидесятого, и уже тогда открытые вылазки УПА в

самом Львове и ближних окрестностях были большой редкостью. А теперь, вот честно скажу, выжгли мы здесь бандеровщину, нет тут ничего похожего на прежнюю «ночную власть». В деревнях пока еще всякое встречается, врать не буду. Но здесь, в городе, – никакого страха и почтения у населения перед бандерами нет. Конечно, остались ошметки, одиночки и мелкие группочки – но сидят тихо, как мыши под веником, когда по избе бродит кот. И уж тем более не может быть ничего похожего на Киев – во-первых, тут в воинских частях местные призывники не служат, а лишь народ со всего Союза, сейчас сибиряков много. Во-вторых, граница рядом, хоть и народная дружественная Польша, но все же – так что боеспособные войсковые части, причем не кадрированные, а полного штата, под рукой – в двадцать четыре часа можем три дивизии в город ввести, тут бы и пана Кука со всей его киевской оравой прихлопнули как муху. Ну, а в-третьих и главных, нет здесь во власти гнилья – все мы делу товарища Сталина верны. А в Киеве, если помните, все началось с того, что кому-то в «цари украинские» хотелось, кому-то в министры при них, тьфу, погань!

– В каждом уверены, Алексей Федорович? А если все же окажется кто-то засланным казачком?

– Знаете, товарищ Ольховская... простите, Анна Петровна, даже в моем партизанском соединении мы таких засланных от абвера неоднократно разоблачали. Паршивая овца в любом стаде может оказаться – но не под силу ей развернуть-

ся, если пастух бдит. И у нас тоже свои засланные есть – товарищ Зеленкин, глава управления ГБ, соврать не даст, – так что обстановку исправно освещают. С уверенностью могу сказать, сейчас нет во Львове сильной и вооруженной бандеровской организации. Мы бы о том обязательно знали. Програла УПА свою войну, и это уже всем известно – а мужики, они хоть и необразованные, но не дураки совсем.

– Тогда, простите, Алексей Федорович, на чем же основана ваша тревога? И кстати, не поясните ли – только что, по пути к вам, я наблюдала буквально под вашими окнами непонятный инцидент. Когда двое молодых людей пытались бросить в фонтан гвоздики, а милиция не позволила – причем из слов вашего порученца следовало, что это происходит не в первый раз?

И тут товарищ Федоров замешкался, на какую-то секунду. Не знал, что сказать, или просто слова подбирал?

– Седалищем чую – подойдет такое объяснение, – наконец ответил он, – и не смейтесь, Анна Петровна, уж поверьте опыту старого партизана, помнящего еще Гражданскую. Когда тихо все – а где-то что-то опасное происходит. Ну как партизаны и подполье организовывались в войну – начинали не с разгромленных немецких гарнизонов, а налаживали базы, связь, разведку. Как фундамент заложить – но без этого ничего не построить. Напряжение какое-то и слухи – а толком ничего не понять. Похоже, что из университета идет, ну это понятно, дело с финансированием и нацязыками, вы в

курсе, конечно...

– В курсе, – отвечаю я, – но хотелось бы из первых уст услышать, как народ воспринял.

– Да ясно как! Здесь живут беднее, чем в Москве и Киеве, так что для студента стипендия – это большое подспорье. И раньше было напряженно, что те, кто на украиноязычных учатся, в два-три раза меньше получали – ну так перейди на нормальное обучение, и всего-то. А как афера вскрылась, что деньги из Москвы, из союзного бюджета, которые идут целевым назначением на поддержку русскоязычного образования в нацреспубликах, пустили не на то, и «украинцы» ближайший семестр точно, а следующий под вопросом, вообще ничего не получают, так можете представить, что началось. Однако не так много их среди общей массы, а большинство, которые по вечерам учатся, это рабочие с заводов истроек, целиком и полностью наши люди, и они бузой недовольны, слухи ведь ходят, что вообще закроют университет из-за тех, кому больше всех надо. Так что кто сунулся бы к ним агитировать – а были и такие, разговоры всякие вели, – просто побьют и сдадут куда надо. От преподавателей, как ни странно, хлопот больше – во все инстанции пишут, ссылаясь на всякие параграфы, мой секретариат уже замучился разбирать и отвечать. А нельзя иначе – жалобу о волоките и бюрократизме тотчас сочинят в Москву.

Поясню немного про языковую политику. На товарища Сталина очень большое впечатление произвело то, что он

услышал про девяносто первый год. И к чести его, в другую крайность не ударился – но, согласно дополнениям к Конституции СССР от сорок пятого года, «русский язык является государственным, на котором ведется официально делопроизводство между союзными республиками, а также внутри РСФСР». Каждая из республик имеет свой госязык, для своих внутренних официальных документов, образования, печатных изданий – но не в ущерб общесоюзному языку. Все кодексы, нормативы и прочее выходят в Москве только на русском – республики, если захотят, могут перевести на свой, но лишь за собственный счет. Образование в союзных республиках среднее двуязычно, высшее – формально так же, но так как в языках местных народностей научно-технических терминов, как правило, нет (а у иных народов, как в Средней Азии, даже письменности своей не было – уже в советское время изобрели, причем с кириллицей, нашим алфавитом), то в подавляющем большинстве вузов Советского Союза обучение идет на русском. Тем более что опять же по закону выпускник, получивший диплом на своем языке, если захочет работать вне своей республики, то обязан будет экзамен по языку сдать (а то вдруг документацию прочесть не сможет). Оттого реально наличествуют «нерусские» университеты лишь во Львове, Черновцах, Тарту. Но и там, согласно закону, студентам должен быть предоставлен выбор, причем «местноязычным», желающим учиться на русском, идет доплата к стипендии из союзного бюджета. Есть и

исключения – в Калининградском университете (напомню, что у нас немцев оттуда поголовно не высылали – кто советское гражданство принял, тот остался) такие специфические предметы, как немецкая философия, литература, лингвистика (включая древнегерманские языки), читаются на немецком – но поскольку Калининградская область не союзная республика, то никаких особых стипендий там нет. Впрочем, туда и без того со всего Союза «германисты» едут учиться, ну а из ГДР те, кто собирается и дальше с нами работать (связи между нашими странами самые тесные, во многих областях, и развиваются). Есть еще и Братиславский университет (здесь Словакия по итогам войны оказалась нашей союзной республикой), но о том разговор особый. Пока же – тут разобраться, что за дела.

– Не закроют университет, – говорю я, – затем нас и прислали, чтобы без крайних мер.

– Вот только прежде требования были чисто экономические, увеличить финансирование, и, конечно, «а мы конкретно не виноватые, за что нас без денег». А две недели назад какая-то зараза листовки разбросала в первый раз – ну сущая ахинея, там и про самостийну *Советскую* Украину, и про «ленинские нормы», и про вороватую комбюрократию, не было тут ничего похожего раньше. Десять дней назад, это пятого числа, поймали одного – патруль бдительность проявил. Студентик, Михаил Якубсон, национальность ясна. И на допросе перестарались, забили насмерть. Виновные под

арестом – а на площадь под мои окна стали красные цветы приносить, выходит, как протест против советской власти. Сначала к статуе богоматери клали, теперь вот в фонтан. А милиция препятствует как может – все ж нарушение порядка. Причем все задержанные в один голос говорят, что никакой организации нет, а цветы бросить они решили исключительно из солидарности. Ну, мы их всех на пятнадцать суток пакуем пока, до выяснения. А вот кто за всем этим стоит...

– Образец листовки можно?

Алексей Федорович открыл папку и брезгливо, двумя пальцами за уголок, извлек листок бумаги, протянул мне. Отпечатано на машинке, по-русски (впрочем, машинки с украинским шрифтом – это редкость). Содержание любопытно – никаких «бей москалей», а за «ленинские нормы» и против партбюрократии, и вообще, Ленин был за право наций на самоопределение и про засилье госаппарата ничего не писал. И как в свое время основанный Марксом Интернационал превратился в соглашательское социал-демократическое болото и потребовалось создать партию нового типа, так и теперь, ВКП(б) – так в тексте, хотя уже который год КПСС, но в разговоре и даже в бумагах иногда пишут по-прежнему – стала кликой воров с партбилетами, которые сами живут как баре, наплевав на народ. И потому предлагается, строго по ленинским нормам, сначала вспомнить о праве выхода из СССР, а после строить правильную советскую власть (народа, а не партии) в отдельно взятой Совет-

ской (Западной) Украине. И тому подобное. Это уже не бандеровцы, это больше на троцкизм похоже.

Понятно, отчего Алексей Федорович встревожился. Если это какие-то студентики решили поиграть в большевиков, беда невелика. Но он, не только герой, генерал и партизан, но и опытный уже аппаратчик, должен был подумать и о возможной провокации от своих. Чтобы скинуть с поста первого – тут комбинации возможны всякие. Прислать своих людей, разбросать листовки и исчезнуть – а после пойдет сигнал наверх, и вопрос из Москвы, а что это товарищ Федоров у себя под носом троцкистской организации не видит? Как это не нашли – значит, плохо искали, или не хотели искать. И какие последуют оргвыводы? Когда после Киева (там ведь не один Кириченко был) Москва даже к намекам на подобное относится очень резко и нервно.

А может быть и гораздо хуже. Если тут подспудно зреет что-то похожее на то, что *там* было в Новочеркасске в шестьдесят втором. Хотя база для недовольства не столь велика – так что настолько жарко не полыхнет. Но все равно для советской власти (и персонально для товарища Федорова, а также и для меня, раз просмотрела) хорошего будет мало.

– Что ж, Алексей Федорович, я думаю, что нам будет необходимо по конкретике побеседовать с товарищем Зеленкиным. Только давайте сначала товарищей с киностудии отпустим – мы ведь все же фильм приехали снимать, так что рас-

считываем на вашу помощь.

Стругацкий почти что свой, только не посвященный. Да и товарищ режиссер пусть свидетелем событий будет, чтоб в дальнейшем без демократических искажений. Скучную конкретикку им знать не то что не надо, но пользы нет. Им пока нужно что – реквизит, что на месте достать или сделать, и, конечно, присмотреть, где снимать. И массовку – а вот тут я очень на студентов рассчитываю, благо что занятий еще нет, но в городе уже многие, это когда бедный студент от заработка отказался бы?

Через час сижу в кабинете ректора Львовского университета, товарища Ивана Никифоровича Куколя – вот любопытно, в иной истории он же был ректором? Над ректорским креслом, как положено, портрет товарища Сталина, на стене напротив висят какие-то бородатые персоны в пенсне и сюртуках. В книжном шкафу красные корешки полного собрания сочинений Маркса. Не наблюдаю никакой враждебной символики, вроде желто-синих лент и флажков – которые я видела в Киеве в сорок четвертом у Кириченко (первого секретаря!).

– Конечно, мы окажем вам любое содействие! Поскольку понимаем важность показать зрителю великую и славную историю Западной Руси. Которая и в те времена была светочем знаний, в отличие от замшелой и реакционной политики русского царизма.

– Нам нужно лишь некоторое число студентов для мас-

совки, — отвечаю я, — хотя возможно, что и кто-то из преподавателей тоже сочтет для себя интересным. Поскольку люди на заводах заняты, а в университете до начала занятий еще целых две недели. Этого нам хватит, чтобы снять массовые сцены — ну, а в дальнейшем уже управимся сами. Вас же мы хотели бы просить организовать оповещение. Ну и, возможно, какие-то сцены мы будем снимать на территории университета.

— Конечно, можете всецело на меня рассчитывать! Но если не секрет, о чем будет фильм? Я слышал, что-то историческое — тогда, возможно, вам будет полезны квалифицированные консультации? У нас на историческом очень сильный профессорский состав, большие знатоки истории этого края.

Ну, может быть. Хотя наш жанр не совсем история, а скорее, историческая фантастика. Или «криптоистория», как называл ее Андрей Валентинов, харьковский писатель-фантаст, в этой реальности еще не успевший родиться. Прототипом был фильм потомков «Похищение чародея» (видела на компе — в целом понравился), Стругацкий с Князевым изменили лишь место и время действия. Представьте, в галицко-волынской истории нашелся похожий персонаж.

Юрий Михайлович Котермак, он же Донат, он же Георгий Дрогобыч из Руси. Астролог, врач, философ, библиофил и гуманист эпохи Возрождения, родился в городе Дрогобыче, в 1450 году. Преподавал в Краковском университете, был одним из учителей самого Коперника. Затем ректор

Болонского университета, и снова профессор Краковского. Делал предсказания по заказу папы римского Сикста IV. В своей книге (издана в Риме, в 1483 году), кроме лженаучного (в угоду Церкви) прогноза, писал также о географии, астрономии, метеорологии и что населению христианских стран угрожают большие опасности из-за угнетения князьями и господами. А также, что человеческий ум когда-нибудь познает любые закономерности мира, и это вызвало неудовольствие папы, как раз в том году введшего строгую цензуру всех книг. О последних годах Юрия Дрогобыча известно мало – согласно летописи, он умер в Кракове в 1494 году¹³. Но ведь известно, что в историю записывают то, что угодно господам и Церкви. Тем более что мы снимаем художественный фильм, должный послужить примером прежде всего для юношества.

Оттого и «крипто» – доподлинно неизвестно, но могло быть, ведь не все удаётся попасть в летописи? Обстоятельства и даже сам факт смерти нашего героя – темные пятна. А вдруг и впрямь было, как в нашем сценарии – что Чародей бежит из Кракова, спасаясь от посланцев папы, едущих, чтобы схватить его и отправить на костер. Бежит в свой родной православный город, где католиков не слишком любят. Тогда папский легат подговаривает польских магнатов собрать армию и напасть на Дрогобыч – история Польши знает таких внутренних войн великое множество, а какой-нибудь

¹³ Личность реальная, все приведенные факты подлинные.

пан Потоцкий вполне мог собрать личную (не королевскую) армию в десять-двадцать тысяч. Будут там и приключения с боевыми сценами, и про борьбу славянских народов с западными поработителями, и про любовь (две женщины на одно лицо, ну прямо Шекспир), и смешное (от столкновения эпох). Только отчего у товарища ректора недовольство на лице мелькнуло, когда он услышал слова о «борьбе против Запада»?

— Конечно, с идейной точки зрения так, может, и правильно. Но как ученый, вот не могу согласиться. Если так уж вышло в силу географических причин, названных товарищем Сталиным в его великом труде «Роль этносов в истории», что само выживание русского народа в бесплодных северных лесах потребовало строгого подчинения царской власти, а борьба с природой и нашествиями татар поглощала всю пассионарность, — то культура, наука и искусство на Русь полностью шла с Запада. Этот университет уже существовал, когда не было еще Петербурга — и реформы Петра, наставившие посконную лапотную Русь на путь прогресса, разве не подтверждение моих слов? И простите, марксизм откуда пришел — вот жили бы мы еще при очередном царе-батюшке, если бы товарищи Маркс и Энгельс не придумали свою теорию, гениально развитую товарищами Лениным и Сталиным? Так, может, не стоит так резко, все под одно грести — да, были отдельные случаи неоправданной жестокости, но с исторической точки зрения связь с Европой была для Рос-

сии и русских великим благом. Иначе Московия вполне могла бы скатиться на уровень Китая и быть колонизована, скажем, Швецией или Польшей в Смутное время. А это было бы прискорбно, поскольку русский народ заслуживает своего места в истории, хотя бы своей непревзойденной живучестью, как сорная трава пырей или крапива.

– Простите, Иван Никифорович, по-вашему, русский народ – это сорняк на поле истории? – удивилась я. – Да вы, товарищ Куколь, коммунист ли?

Знаю, что коммунист – беспартийному на таком посту невозможно никак. И по текущей линии партии коммунисты между собой могут обсуждать, спорить, неудобные вопросы задавать, это не просто дозволено, но даже поощряется больше, чем нерассуждающее повиновение. На мой взгляд, верно – лучше уж открыто говорить будут, чем, внешне славословя, внутри затаят. Однако категорически не рекомендуется делать это в присутствии беспартийных (а тем более на публичке), как и выходить за некоторые пределы.

– Вы не так меня поняли, Анна Петровна, – товарищ Куколь едва руками не замахал, – я всего лишь хотел сказать о месте русского народа в братской семье народов СССР. Если Всемирный Советский Союз завтра станет реальностью – в сороковом Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, в сорок четвертом – Монголия и Словакия, затем Маньчжурия, следующими, очевидно, будут Корея, Уйгурия, ну а лет через двадцать отчего бы даже и не Германия? И русский этнос

хорошо сумел зажечь пожар мировой коммунистической революции – но сейчас в сферу влияния СССР попали нации гораздо более культурные, более развитые интеллектуально – и, наверное, этот факт нельзя игнорировать? Отрадно, что товарищ Сталин наконец отдал должное исторической традиции, и могли ли мы еще десять лет назад думать, что над Константинополем взовется русский флаг и не будет больше Стамбула, а станет Царьград, и это при нашем отношении к монархии? Лично мне кажется не таким уж невероятным перенос столицы Советского Союза из Москвы в Киев – о чем ответственные товарищи здесь не раз говорили, как об одной из перспектив, какое это будет возвращение к историческим корням. И прочтите Маркса, где он пишет о роли народов в истории – и прямо делит нации на «исторические», наиболее передовые, к коим относит Германию, Францию, Англию, и «реакционные», в число которых, к сожалению, входит и Россия. Конечно, он имел в виду прежде всего реакционный русский царизм, «жандарма Европы» – но вы же не будете отрицать, что средний уровень культурного, интеллектуального, общественного развития русского этноса ниже, чем любого из европейских? Если в России исторически не было городов, а одни лишь деревни.

– Это как не было? – удивляюсь я. – По-вашему, Москва – это деревня? Еще викинги называли Русь Гардарикой – «страной городов». А Аркаим – или вы не согласны со словами товарища Сталина, что «мы не Запад и не Восток, мы

Север, равно отличный от них обоих»?

— Как можно! — товарищ ректор даже возмущение попытался изобразить. — Ну, вы бы еще древний Китай вспомнили. Под понятием «город» я подразумеваю место, где живут *горожане*. То есть граждане, даже слово не просто созвучно, а прямой синоним, ну не бывает граждан в деревне! Люди с достоинством, подвластные лишь закону, а не произволу монарха и его чиновников — с совершенно иной психологией свободных и ответственных, когда твой успех и благосостояние зависит лишь от тебя, а не от милости свыше, что дало немыслимый прежде взлет торговли, промышленности и наук. В этом отношении седая древность вроде Аркаима не имеет значения — как и все, что было до «магдебургского права», когда «воздух города делает человека свободным» — помните эту фразу из учебника? По этому праву жили и Львов и Киев до перехода под руку Москвы — а на лапотной России-матушке городских обывателей тащили пороть на съезжую, совершенно так же, как крепостных крестьян, ну а какие права были у российского «третьего сословия», вы гоголевского «Ревизора» вспомните, эпизод с купцами и городничим. Так что на Руси не было городов — а были огромные деревни, населенные такими же крепостными мужиками. Или, если вам угодно, «слободы» ремесленные и торговые, при гарнизонах царского войска. Может, Новгород был исключением — пока его вольности не растоптала кровавая опричина.

– Простите, вы «Записки Сигизмунда Гербенштейна о Московском царстве» имеете в виду? – спрашиваю. – При том, что убедительно доказана их лживость и предвзятость? Как и мемуары другого проходимца, вот имя его напомним – который уверял, что неизвестно за какие заслуги и сразу по приезде в Москву сам Иван Грозный ввел его в ряды опричников, куда далеко не всем русским боярам и дворянам можно было попасть, а иноземцев и вовсе не брали; смачно он описывает зверства опричников, говоря, что сам в них участие принимал – только в наших сохранившихся архивах ничего нет про этого «героя», зато упомянут с этим именем и живший в то время некий «немчин, что кабак держал и в бега подался, чтоб подать не платить». Что до Новгорода, то опять же доказано, не было там такого количества богатых дворов, которые якобы подверглись разграблению – ну а «худые», то есть бедные люди, как записано в летописи, сами приняли в разграблении живейшее участие, а вовсе не были пострадавшей стороной, такое вот раскулачивание шестнадцатого века. И в своих бедах новгородская верхушка была виновата сама – не скрывая, что хочет отложиться от Московского царства и стать чем-то вроде вольной торговой республики. Интересно, как бы отнесся к подобному английский или французский король, если бы один из его богатых торговых городов захотел бы так же поиграть в независимость? Что до «защищенности» горожан – так когда в 1631 году Магдебург был взят армией Католической лиги,

устроившей там жуткую резню, помогло жителям их «магдебургское право»? Которое, кстати, на территории Российской империи официально было отменено лишь в 1831 году, ну а в Киеве еще четырьмя годами позже? При всем уважении к вам, товарищ ректор, мне истина дороже – я в Ленинградском университете успела отучиться, еще перед войной, там нам историю давали хорошо.

Почти правда. Историю я слушала уже в Академии – поскольку ее знание тоже является идеологическим оружием. Но интересно мне, если сам ректор этого заведения так думает, что же студентам преподают? Про «диких москвитов», принимая Гербенштейна за абсолютную истину? Ох, и были бы для тебя последствия, товарищ ректор, будь я сейчас в ипостаси «той самой, которая первого Украины в сорок четвертом под расстрел отправила», как говорили иные товарищи в провинции, доставая валидол. Партийный суд – это дело серьезное: за неправильные убеждения партбилет на стол, и слетел бы ты со своего поста в рядовую профессуру. Ну, а если конкретика откроется, то дело и куда надо передадут – если окажется, что был ты в курсе дела с листовками. Но я сейчас всего лишь администратор Ялтинской киностудии Шевченко Анна Петровна, помочь которой товарища ректора настоятельно попросили, референт Федорова при мне звонил.

– Дорогая Анна Петровна, я всего лишь считаю, что будет политически неправильным и даже вредным противоп-

ставлять Европу и славянские народы, – ответил Куколь, – как при Александре Освободителе Россия открылась Европе и сделала большой шаг вперед в общественном развитии, так и теперь, раз СССР входит в Европу, то «мы должны взять лучшее из достижений мировой культуры», – так ведь сказал товарищ Сталин. Если вам угодно, я источник сейчас найду. Впрочем, по вопросам идеологии, буде на то ваша воля, вам интереснее с товарищем Линником пообщаться, это наш заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, очень сознательный и идеологически подкованный товарищ, фронтовик, имеет награды. А также активную жизненную позицию – ведет среди студентов кружок «Юный марксист», где дополнительно, сверх учебного курса, объясняет наиболее сознательному студенчеству преимущества коммунистического учения. С моей же стороны, будьте уверены, можете рассчитывать на любую помощь.

Вывернулся, угорь. Но интересно, с чего это он перед приезжей так язык распустил? Конечно, гуманитарная интеллигенция всегда была несдержанна. И время, как я уже сказала, сейчас несколько другое, не тридцать седьмой год, когда ответственные товарищи все свои речи по бумажке читали, писанный текст, где надо утвердив, что там ничего недозволенного нет – так и кончилось большевистское ораторское искусство, что зажигало массы и поднимало в атаку полки. Но ощущение у меня, что сейчас ты пытаешься на события влиять, сдвинуть акцент в будущем фильме, вот не приняла это твоя

душа. Что ж, твоих слов я не забуду – пусть и не доказательство для суда, но оперативный материал. Хотя если дойдет до партийного суда, мне и на слово вполне поверят.

И обязательно уточню, что Маркс о России и русском народе писал.

Париж. Представительство ООН.

15 августа 1953 г.

В кабинете двое мужчин представительного вида. И женщина лет сорока.

– Мадам Ферроль, я комиссар Ламбер, следователь Международного Уголовного суда при ООН. Это мой коллега, комиссар Клаусен. Мы пригласили вас, чтобы вы рассказали нам о случившемся 19 мая сего года в Сайгоне.

– Месье, я ведь уже написала все, что было в тот ужасный день! Разве вы не читали?

– Мадам, нас интересовали бы самые мелкие подробности, которые вы, возможно, опустили. Если вы читали детективные романы, хотя бы месье Сименона, то знаете, насколько эти детали важны для раскрытия преступления.

– Что ж, месье, я попробую вспомнить, хотя это очень для меня тяжело. Как какие-то мерзавцы едва не убили меня, вместе с детьми! И мой муж едва избежал гибели от рук этих коммунистических бандитов!

– Эти люди как-то идентифицировали себя именно как коммунистов?

– Нет, месье, но они посмели напасть на европейский квартал среди бела дня. В центре Сайгона, столицы Индокитая, где было полно нашей полиции и войск. А все во Вьетнаме знают, что именно красный Вьетконг – это наиболее дерзкие, опасные и многочисленные из местных азиатских банд.

– Мадам, именно этот факт нам и надлежит неопровержимо доказать – чтобы призвать к ответу не только напавших на вас, но и их покровителей. В тот день и час вашего мужа не было дома – это был его обычный распорядок?

– Гастон работает в управлении колонией, и государственные дела иногда заставляли его задерживаться, даже когда большинство из соседей уже приехали. Так случилось и в тот день. Я думаю, как мне повезло, что он припозднился.

– Вы пишете, что бандитов впустил в дом ваш повар, Жерар. Вы нанимали его сами? Имел ли он рекомендации?

– О да, месье, я поняла, о чем вы говорите! В Сайгоне иные нанимают прислугу из самых подозрительных личностей, подобранных буквально на улице – поскольку это выходит заметно дешевле, чем по рекомендации от приличных людей. Но мы взяли повара по рекомендательному письму от приятеля моего мужа, который уехал во Францию два года назад. И все это время у нас к Жерару не было никаких замечаний.

– Это было его имя? Что вы можете сказать о вашем поваре как о человеке? Была ли у него семья?

– Месье, откуда я могу знать, чем живет и что думает прислуга? У него было какое-то туземное имя, я дала ему французское, так было удобно мне и мужу. И у нас в Сайгоне совершенно не было принято, чтобы слуги жили с семьями – если только их вторая половина также не служит у того же хозяина. Возможно, у него был кто-то в его деревне. От нас же он видел лишь разумную строгость, в пределах допустимого. Даже за провинности мы ни разу не били его бамбуковой палкой, как иные из наших соседей своих слуг – а цивилизованно вычитали из жалованья. Он получал от нас помимо крыши еще и обед, имел привилегию забирать остатки с нашего стола – ну и, наверно, подворовывал по мелочи, как всякая туземная прислуга. Но в целом у него не было причины ненавидеть нас, неблагодарная свинья!

– Как выглядели бандиты, ворвавшиеся в ваш дом?

– Как обычные азиаты. Одеты как подобает прислуге. Один был высокого роста – вьетнамцы обычно мелкие, а этот был выше на целую голову. Но такое же азиатское лицо – возможно, китаец. И он командовал – а остальные послушно исполняли.

– Чем они были вооружены?

– Автоматами, не такими, как у наших жандармов и солдат. А у Жерара был огромный мясницкий нож из кухни! Он размахивал им и кровожадно смотрел на моих детей, Жана и Эмиля – наверно, представляя, как сейчас их зарежет!

– Посмотрите, пожалуйста, на эти фото. Какое оружие из

изображенных было у бандитов?

– Вот это, месье, я запомнила хорошо. У двоих – рослого и еще одного. А у третьего вот это.

– Два русских ППС и американский МЗ. А больше вы у них ничего не заметили – пистолеты, гранаты, ножи?

– Нет, месье! Я никогда не забуду, как они направили стволы на меня и на детей – еще мгновение, и нас бы убили!

– Может, у них было что-то в карманах? Или спрятано под одеждой.

– Месье, у нас туземная прислуга никогда не имела одежды с карманами! Чтобы меньше воровали.

– Что было после?

– Я очень испугалась, месье. Но помнила, что туземцы, как дикие звери, пугаются хозяйского окрика и грозного взгляда. У меня не было никакого оружия – но я крикнула им: «Вон!» И повелительно указала на дверь. И господь услышал меня – инстинкт подчинения был крепко вбит в рассудок этих дикарей, они напугались и убежали.

– Но вы написали, что это произошло после того, как их главный отдал приказ?

– А какая разница, месье? Да, он что-то сказал повелительно на своем языке, и двое других тут же опустили автоматы. А он еще добавил, обращаясь ко мне, на очень плохом французском – чтобы мы сидели тут, не выходили, иначе нас убьют. И они ушли!

– Ничего не взяв из дома? У них были с собой мешки или

иная тара для выноса награбленного?

– Нет, месье, ничего не пропало. Хотя после я обнаружила, что с кухни исчезли все продукты. Наверное, Жерар украл, сбежав с бандитами, неблагодарная тварь! Нет, я не видела у них никаких сумок или мешков.

– И больше они ничего вам не сказали? Все ваши соседи по кварталу были убиты, восемнадцать семей! А вас не тронули – обычно бандиты так поступают, когда хотят что-то передать. Если только...

– На что вы намекаете, месье? Подозреваете меня в связи с коммунистическими дикарями?

– Всего лишь пытаюсь понять, отчего вас пощадили. Вы и в самом деле верите, что окриком можно испугать закоренелых убийц?

– Я не знаю, месье! Я тогда даже господе не молилась – так что божественным вмешательством это не объяснить. Смешно, но в первый миг, увидев этих головорезов, я подумала, что они истоптали мой ковер. И не дали мне даже журнал открыть, с которым я только что уселась в кресло. Этот модный журнал мне дала на пару дней подруга и соседка, Аманда Бурже – которую убили, вместе с мужем! Так что позволила себе оставить его как память, это ведь не будет грехом? Тем более что наряды – это моя маленькая слабость. А выписывать в Индокитай почту из Европы обходится недешево.

– А что за журнал, можно полюбопытствовать?

– «Лючия», месье. Конечно, я, как истинная францужен-

ка, предпочитаю одеваться по французской моде – но все же иногда любопытно, что носят у соседей. Честно признаюсь, они хоть и коммунисты, но у них есть вкус и оригинальные идеи. Аманда, насколько мне было известно, выписывала себе журналы со всей Европы и из США – тратя на это уйму денег. У нее, я видела, было даже что-то из Москвы. Ну, а итальянцы все ж наиболее нам близки по культуре. Я никоим образом не сочувствую коммунистам – но, месье, какое отношение мода имеет к политике, это ведь не призывы всех в колхозы загнать и не военные секреты?

– Это были коммунисты, – сказал Ламбер, когда женщина ушла, – лично у меня никакого сомнения.

– Из чего вы это заключили, коллега? – спросил Клаусен. – О нет, не подвергаю сомнению ваш опыт эксперта по Индокитаю, но мне хотелось бы подробнее узнать.

– Во-первых, как даже свидетельница заметила, бандиты из Бин Ксуен и им подобных никогда не решились бы на такое, – ответил Ламбер, – они, конечно, висельники, но имеют свой кусок и предпочитают на большее не замахиваться, не злить главных игроков. Можно допустить, что их наняли для столь грязного дела, если бы не следующее. Во-вторых, организация и дисциплина, немыслимая для банды – вся акция длилась не более четверти часа, девятнадцать домов были атакованы одновременно, причем нападающие продумали и подготовили пути отхода и просчитали действия сил право-

порядка – не только выставив заслоны с пулеметами, но и заминировав дорогу, это для банд совершенно не характерно, а для штурмовых групп Вьетконга, обученных по образцу и подобию советского осназа, напротив, обычная тактика. В-третьих, очень хорошее вооружение, опять же по стандарту вьетконговских штурмгрупп – автоматическое оружие у всех, что подтверждается рапортами участников того боя с нашей стороны, когда прибывшая моторизованная рота жандармерии понесла потери до половины личного состава всего за две-три минуты боя, причем в числе погибших оказались четыре офицера из пяти, убитые снайперами. В-четвертых, не было грабежей и изнасилований – что совершенно невероятно для бандитов, без разницы, работали они по найму на кого-то или нет – причем они даже не готовились к выносу ценностей, как заметила свидетельница, не имея тары, в чем носить. Ну, и такая деталь, что у рядовых исполнителей, вооруженных автоматами, не было пистолетов и ножей – снова сходство больше с солдатами регулярной армии, подобно которой формируется Вьетконг, чем с бандами, у которых холодное оружие носят даже самые захудалые как знак статуса. А их командир, конечно, мог быть и китайцем – но также одним из русских инструкторов осназ из сибирских народностей России, достоверно известно, что такие у вьетконговцев есть, и они не только учат, но и сами командуют, причем в наиболее трудных акциях.

– Отчего тогда пощадили свидетельницу?

– У вас в Стокгольме не продаются модные журналы из Рима? – усмехнулся Ламбер. – А у меня супруга даже покупает их иногда. И каждый месяц на обложке «Лючии» одно и то же лицо, в разных нарядах и интерьере – сами догадаетесь, кто, или вам подсказать? При том что это лицо весьма почитаемо и среди русского ошматка – не только как жена их прославленного героя, но и сама по себе, одна из тех, кто Гитлера ловил, а теперь еще и лично ходила на абордаж, прямо какой-то дьявол, а не женщина. Русские, да будет вам известно, относятся к изображениям своих знаменитостей подобно дикарям, верящим, что зло, нанесенное портрету, переходит и на оригинал. Если вы, приехав в СССР, плюнете на портрет Сталина, а тем более его порвете, вас ждут десять лет в сибирских лагерях без права переписки. А если вьетнамцами командовал русский, то вполне могу поверить, что ему не захотелось стрелять в собственную удачу – солдаты в любой армии часто бывают очень суеверны, а в спецвойсках особенно.

– Безоружная женщина против троих головорезов, – усомнился Клаусен, – дело одной минуты скрутить ее, отобрать портрет. И зарезать несчастную или пристрелить в упор.

– Одному богу известно, что произошло в глубинах потаенной русской души, – произнес Ламбер, – я служу в полиции уже двадцать шесть лет и видел множество личностей, и столпов общества, и его отбросов. И даже разных народов и рас: Париж – это такой город, а мне довелось и в Алжи-

ре побывать, и в том же Индокитае. Я могу прочесть логику поступка любого человека европейской расы. Но был у меня знакомый, русский князь, как он сам себя называл, – и его побуждения иногда были для меня просто непонятны. Так же как, впрочем, и у туземцев – из чего следует, что в критикуемой теории «славянская раса – это не европейская белая раса» что-то есть. Но пока что эти варвары с востока подмяли под себя две трети несчастной Европы – и вполне способны проглотить остальное, если их разозлить. Кстати, это и вас касается – не надейтесь, что у себя в Швеции отсидитесь. А потому вопрос – что мы будем докладывать по этому делу господину председателю суда? Если Советы стоят на своем и требуют прямых доказательств, а не косвенных измышлений. И кого конкретно назначат виновным при неблагоприятном исходе? Я в отставку пока не хочу!

– А если общественное мнение слегка подтолкнуть? – спросил Клаусен. – Тогда мы уже вынуждены будем задать неудобные вопросы. Кстати, если у убитой соседки были похожие журналы, отчего это не остановило преступников?

– Возможно, она просто не успела их показать, – заметил Ламбер, – если записано, что ее убили прямо в постели, рядом с мужем. И вы правы, коллега, короткое заявление для печати делу не повредит.

*Париж, Представительство ООН,
16 августа*

– Ламбер, вы идиот! Что вы натворили? Теперь «Лючию» сметают с прилавков толпой. «Лицо, пугающее отпеченных убийц – все знают, что русские своей крови не прощают», «Красные вьетконговцы не посмели убить ту, кто ценит их кумира», «Святая нашего века», «Героиня, актриса, красавица, счастливая жена» – вы понимаете, какую рекламу вы сделали этой чертовой девке, поливающей грязью весь свободный мир?! Не говорю уже о том, что сотворят с вами владельцы парижской модной индустрии. И персонально меся Фаньер, ставший в Нью-Йорке очень влиятельной персоной. Американский представитель уже выказал свое крайнее неудовольствие – вы должны были у меня разрешение получить, прежде чем сообщать газетчикам такое!

Имею большое желание сообщить вам, что наша организация больше не нуждается в ваших услугах, и что свое заявление вы делали, будучи уже частным лицом. Но наверху решили иначе – готовьтесь лететь в Индокитай, в гости к коммунистическим повстанцам. И если вы оттуда не вернетесь – искренне сожалею.

Валентин Кунцевич.

Львов, 16 августа

Вполне понимаю Алексея Федоровича. Поскольку и у меня устойчивое ощущение, что тут шалют не бандеровцы, а *свои*. Но конкретно ты в этой истории погореть можешь абсолютно реально. Да еще и руки у тебя полусвязаны – при-

шибешь не того, под трибунал пойдешь.

Ну не было никогда у бандеровцев в пропаганде советской риторики. И уж в чем они «проклятых москалей» не обвиняли по отношению к «ридной неньке» Украине, но вот в искажении марксизма-ленинизма – это как бы Адольф евреев в забвении иудейской веры упрекал. Хотя встречался среди оуновцев и образованный народ (особенно в их СБ), кто труды классиков знал (тот же Кук, гори он вечно в аду или двадцать лет на Втором Арсенале – и еще неизвестно, что легче, хе-хе – так он на допросах тоже иногда Ленина цитировал, чтоб пожалели убогого), – но вот использовать это бандерам даже не идейная зашоренность не позволяла, а страх, что свои же решат, ты и в самом деле усомнился в великоукраинской идее, и удавят. Зато обвинять «проклятый сталинский режим» в отступлении от ленинских идеалов было излюбленной темой у троцкистов – так же как для «болотных демократов» следующего века кричать о «коррупции» Путина и единороссов. И хотя сам пламенный Лейба Троцкий уже тринадцать лет как помер, дело его живет – есть и основанный им Четвертый Интернационал, не гнушающийся сочетать призывы к мировой революции с сотрудничеством с ЦРУ и СИС, «как Ленин от кайзера помощь принимал». При том что внутри СССР, буде на то желание, в троцкизме можно обвинить любого из старой партийной гвардии – с обвиняемым знаком был? Говорил что-то когда-то на партийных дискуссиях и даже в прессе? И что с того, что давно

это было, «бывших врагов не бывает», 58-я статья тебе. Так что хватали не всех поголовно – а прежде всего тех, кто сам в политику заигрался, можно тогда папочку с материалами на тебя из архива достать и сдуть с нее пыль. Великим мастером интриги и борьбы за власть был товарищ Сталин – тут Макиавелли, всю жизнь проходивший у кого-то на побегушках, нервно курит в сторонке. И я вождя совершенно не осуждаю – поскольку сам на его месте вел бы себя таким же образом (хватило бы лишь не моральных, а иных талантов), ну зачем мне конкуренты на мое место во власти?

Итак, Якубсон Михаил Григорьевич, 1935 года рождения, был задержан в ночь на пятое августа возле дома четыре по улице Советских Партизан (не центр, заводская окраина). И не милицией, а бдительными гражданами, патруль уже на шум подошел. И еще народ повыглядывал на бесплатное развлечение – так что в толпе мог оказаться и напарник нашего агитатора, милиционеры всех присутствующих не переписали, так надо тех, чьи фамилии в протокол попали, срочно опросить, кого они видели еще, не было ли посторонних. Пока примем, что сообщники (или товарищи) Якубсона об его задержании вполне могли узнать немедленно.

На допрос он попал пятого августа в 17:15. Долговато – хотя пока милиция с кем надо связалась, приехали, забрали. Но все же надо уточнить – могли бы и пораньше. Следовательно, капитан ГБ Перепетько И. М. (записано – уроженец Полтавы, в войну служил в СМЕРШ, имеет явные заслуги в

борьбе с бандеровщиной), задавал обычные, предусмотренные протоколом вопросы. Якубсон отвечал возбуждено, прозвучало об «ошибках товарища Сталина», разговор пошел на повышенных тонах. И тут конвойный, сержант ГБ Горьковский И. А., с криком «ах ты, бандеровская сволочь!», ударил Якубсона в голову «дубинкой двойной» (как по-уставному называются нунчаки, ставшие в СССР весьма распространенным полицейским инвентарем). Черепно-мозговая, труп.

А что конвойный делал в кабинете во время допроса? В самое время войны с бандеровщиной понятно – народ в сχροнах сидел отпетый, вполне могли и на следака наброситься. Но в данном случае, хотя не видел я пока этого Перепетько, сильно подозреваю, что капитан, отвоевавший в СМЕРШ, и восемнадцатилетний студентик – это слишком разные категории даже в рукопашке. Умысел, или инерция мышления сработала? Горьковский под арестом, как положено – характеризуется положительно, в РККА с 1942 года, на оккупированной территории не был, ранен под Сталинградом в октябре 1942-го, после излечения из армии комиссован, с лета 1943-го служил в милиции Харькова, странно, что абсолютно никаких отметок, ни хороших, ни плохих, в 1950-м был направлен во Львов (как товарища Федорова сюда назначили, так он вытребовал массово себе кадры «в усиление»). Родители неизвестны – фамилия Горьковский не от города, который в мое время снова станет Нижним Новго-

родом, и не от писателя, «буревестника революции», а от трудкоммуны его имени (той самой, в которой Макаренко рулил), бывшим беспризорникам в ней подобные фамилии и давали, раз своя неизвестна. То есть личных счетов с бандеровцами у тебя нет – да и мужик тридцати трех лет, воевавший и с десятью годами в милиции (и какими – про послевоенный разгул преступности брата Вайнеры в романах несколько не врут), должен себя в руках держать, а не срываться в истерику, как барышня-институтка. Если на голову контуженный, то как в милиции служил, такого должны были раньше отсеять, после первого же неадекват. На допросе, что действовал по чьему-то наущению, отрицает категорически (даже «наигранно», как в особых отметках в протоколе). Ну, если что-то знаешь, придется тебя трясти по полной, ты уж прости, сам напросился.

Что еще странно. Как водится, все знавшие об инциденте – тотчас же попали под подписку о неразглашении. Но красные гвоздики у памятника Мицкевичу появились уже в ночь на шестое. Вместе с фотографией Якубсона с нарисованной черной лентой в углу – иначе бы милиция и не реагировала, мало ли кто решил свой восторг перед поэтом Мицкевичем выразить? И стали с тех пор хватать на площади молодежь с цветами – причем все задержанные в один голос говорят, что решили выразить свое соболезнование исключительно сами, без всякой просьбы и организации. Что, кстати, по психологии может быть и правдой, по крайней мере

в отношении части – вот помню я такое явление будущих времен, как «флешмоб», но все равно информация должна была откуда-то пойти?

И агентура среди университетских (уши кровавой гебни) ничего не сообщает. Прежде не раз докладывала о бандеровских кознях – а тут «не знаем, не видели, пока не установили». Хотя это университет, традиции тайных студенческих братств не Пушкин придумал, в Европе это явление со средневековья существовало, иначе просто не выжить было студиям на чужбине, в какой-нибудь Сорбонне или Болонье. Причем внутри братств могли существовать еще, для особо посвященных, а бывали и такие, члены которых входили в несколько прочих. Конечно, тут очень много было от игры и пустой романтики – но именно так и начинались всякие там «Молодые Италии», времена марксовой юности, год 1848-й. Теперь и тут «Молодая Украина» завелась, с ленинско-коммунистическим приветом?

У местных товарищей ума хватило у задержанных с цветами студентиков выяснять, кто им сказал, кто сагитировал – «что значит все говорили, ты конкретно укажи, кто, где, когда и в чьем присутствии?». Кто все правильно понимает, тот молодец, а кто упорствует, с теми уже иной разговор – нет, пока воздействие исключительно словесное, как киношный Глеб Жеглов на карманника Кирпича. Вот и фамилии – по мере накопления материала, график нарисует, от кого информация распространилась, кто заводилы, а значит, боль-

ше должны знать. Ну, а вы посидите пока пятнадцать суток – после, если вам не повезет, переквалифицируем на более тяжелое. Такая вот тяжелая и неблагодарная работа сталинского сатрапа.

И шутки в сторону – это не диссиду в позднем СССР гонять. Война совсем недавно была, психология у людей соответствующая, и оружие на руках у людей еще осталось... Тем более что в этой реальности с личным оружием куда легче – если ты «наш», то трофейный парабеллум вполне могут тебе оставить, лишь номер записав. В деревне и винтовки дозволены, обычно мосинки или немецкие «маузеры-98» (лично я видел и арисаки, и манлихеры, и прочую экзотику, но к ней с патронами тяжело). Автоматы, гранаты и взрывчатка под запретом – но «Народную волю» помним, еще семьдесят лет назад, как они пироксилин делали, за десятилетие до того, как он даже на вооружение российской армии был принят. И бог знает, до чего тут дойдет – а вдруг найдется кто-то с шилом в заднице, кто на самого товарища Федорова решится покуситься?

И беспокоюсь мне, что Мария со мной – да еще после того, как сказала она мне, трое нас будет, месяцев через восемь. Это выходит где-то в марте, ну и куда бы тебе твой институт, даже если поступила бы, пришлось бы академику брать. А как родишь, там и посмотрим, станешь учиться, или будешь просто меня дома ждать, каждый день.

Люция Смоленцева.

16 августа

А Львов, оказывается, на Одессу похож. Основан был сыном первого (и единственного) русского *короля* Даниила Галицкого семь веков назад, и помнят эти улицы, мощенные камнем, и древних русичей, и польских шляхтичей, и немцев, а еще тут издревле евреи с армянами живут. Латинский католический собор и Успенский православный – в Старом Городе, рядом друг с другом. Еще тут есть костел и монастырь иезуитов, Бернандинский монастырь, доминиканский монастырь, ну еще, конечно, Ратуша и площадь Рынок, вот и весь центр, Старым Городом зовущийся, в поперечнике чуть больше пятисот шагов.

– Ленинград северной культурной столицей называют, – сказал Кармалюк, – ну а мы такая же столица западная. Университетский город, живший по Магдебургскому праву, когда Петербурга не было еще. Старейший университет в СССР!

А разве в Кенигсберге, что сейчас Калининград, университет не был еще раньше основан? Я там не была, а вот Юрию довелось, там в Пиллау база подводного спецназа БФ. Интересно бы и мне съездить – Анне завидую, она даже на Дальнем Востоке побывала со своим Адмиралом, ну а я хочу весь Советский Союз посмотреть! Потому на этой пешей прогулке по Львову стараюсь все увидеть и ничего не упустить – не только ради любопытства, но и рекогносцировка, как мой

рыцарь говорит, всегда бывает полезна. Утром нас на машине возили, а сейчас под вечер время нашлось пройтись не спеша. Конечно, я не одна, а с мужем, еще двое ребят из киногоруппы с нами, и порученец Федорова, который нас встречал, а теперь исполняет обязанности нашего гида. Костел действующий – зайти бы, глянуть? Хотя знаю, что в СССР все ж не приветствуется, когда коммунист и в церковь. Мне быть коммунисткой и католичкой дозволяется – при условии этого не афишировать. Да и поляки все-таки – собор у них называется костелом, и, наверное, в церковной службе отличия есть, так же как у французов?

– Товарищ Кармалюк, откуда вы так хорошо историю знаете, тем более церковную?

– Так положение обязывает-с, товарищ Смоленцева! А с церковью у нас сейчас уважение – так что не грех и вспомнить, что тут прежде было. Тем более что сейчас тут в большинстве учреждения светские – но историю не перепишешь.

На стене Ратуши висело ядро на цепи – а если кому-нибудь на голову упадет? Нет – оказывается, оно тут с 1672 года, в память об отбитой турецкой осаде. Львов за всю его историю много раз штурмом пытались брать – а он от одной страны к другой исключительно мирно переходил, по крайней мере до нашего двадцатого века. Думаю, что теперь он в Советском Союзе навек – кто ж посмеет на нас напасть? А насчет перестройки, так мы затем и работаем, чтобы ее не было никогда. Нет здесь никакой «украинской» нации. И как

нас в Академии учат, нет и никакого «украинского» языка – а есть какое-то количество просторечных русских слов, разбавленных латынью, польским, венгерским. А что в Киеве произношение иное, чем в Москве – так и в Италии, в Риме и Милане (не говоря уже про Неаполь) говор тоже различен. И Даниил Галицкий, кто этими землями владел, себя русским правителем считал, а не «украинским». Ой!

– Что случилось? – тихо спрашивает меня Юрий, заметив мой испуг. После того как быстро по сторонам огляделся, убедившись, что опасности нет.

Улыбаюсь в ответ – ветерок подул, повеял прохладой. В жару приятно – но мне показалось, сейчас мое крепдешиновое платье превратит из миди в мини. Однако не в штанах же мне быть, не «в бою и походе», а с мужем на прогулке, «лучшее украшение для любого синьора – это красивая синьорина рядом». К тому же под юбку-солнце можно незаметно пистолетик прицепить – пантерочки мы, лишь на вид мягкие и пушистые, а кто себя врагом покажет, разорвем, и детей своих так воспитаем. Интересно, кем мои дети вырастут по культуре – русскими или итальянцами? Хочу, чтобы они взяли все лучшее от обоих народов. А может быть, в этой реальности к 1991 году Народная Италия уже войдет в СССР.

– Этот район Лычагов называется, – пояснил Кармалюк, – тут прежде интеллигенция жила. «Только во Львове», нашу песню знаменитую, тут написали.

А я и не заметила, как Старый Город мы миновали. Хо-

тя отличия невелики, улицы такие же узкие, и дома похожи, только этажей меньше, и зелень чаще встречается. Вот улицу Ивана Федорова пересекли, на следующем перекрестке если свернуть на Подвальную, то будет Арсенал – в шестнадцатом веке построенный, был и собственно арсенал, и тюрьма, и военный склад – теперь тут военное учреждение, однако сам генерал Ватутин, командующий округом, вчера разрешение дал здесь снимать какие-то наши эпизоды, поскольку интерьеры подходящие. Но сейчас мы туда не пойдем, а дальше прямо, свернуть на улицу Советскую, и через Дарвина, Лысенко (приучил меня муж, перед тем как идти куда-то, обязательно карту увидеть и запомнить). Так, а это еще что такое? Поперек дороги шестеро стоят, все с красными повязками, и на нас смотрят недобро!

– Ах ты... – Кармалюк припустил вперед, к этой подозрительной компании. – Товарищи, сейчас все решим!

Мы не останавливаемся, лишь идем чуть медленнее. Ребята – Дед и Репей – оказываются у нас по бокам.

– Эти клоуны наши, – шепчет мне мой рыцарь, – ты контролируй тыл.

Клоуны – на нашем жаргоне, отвлекающие, массовка. Юра думает, что тут может появиться кто-то более опасный? Например, снайпер – хотя тут на узкой улице оптика не нужна, автоматчик будет опаснее. Или просто кто-то решил нас на прочность проверить и со стороны взглянуть? Быстро пробегаю взглядом по окнам – прижавшихся к стеклу лиц

не вижу.

Ветер снова налетел, мое платье надул. Я зонтик в левую руку переложила, правой будто подол придерживаю – на самом же деле моя рука в прорезь по боковому шву как в карман всунута и уже на пистолете лежит – Анна рассказывала, она в сорок третьем на севере английских шпионов на этот трюк поймала. Что мой муж и двое офицеров русского осназа с боевым опытом сумеют справиться с шестью какими-то пентюхами, я не сомневаюсь – но подстраховка не помешает, при осложнении ситуации стрелять из-за их спин. «Штурмовик огневой поддержки», как называет мой рыцарь эту мою роль, многократно отработанную на тренировках с красящими шариками. Маша рассказывала, как на них с Вале́й в Москве в парке хотели напасть и она испугалась жутко, – а у меня сейчас лишь азарт, вот представляю, если до боя дойдет, из шести мишеней сколько я выбить смогу? Браунинг калибра 6,35 игрушкой выглядит – но из него с этой дистанции (метров пять) я навскидку в спичечную коробку попадаю. А пульки экспансивные, и вблизи даже более опасны, чем винтовочные.

Нет, Кармалюк старшему из той банды что-то сказал, и отошли все в сторону, нам освобождая путь. Мимо проходим, взгляды их ловлю – а смотрят-то больше на меня, чем на ребят! И шепот слышу:

– Вот вырядилась...

– Актриса. И московская.

– Живут же люди... Тьфу!

– И что с того, что московская? Попалась бы в парке одна, мы бы ей подол завязали!

А Кармалюк подбежал и спешит объяснить:

– Прощевайте, это комсомольцы наши, сознательные. Ходят, смотрят, чтобы порядок был. Вот только наряженных по-капиталистски очень не любят – и бывает, что наказывают по-свойски. Но это не со зла, а ради победы коммунизма!

Не скажу, что услышанное меня обидело – я хорошо усвоила, как меня Анна учила, «если ты, твои поступки и слова, твой внешний вид кому-то не нравятся – то это их *проблемы*» (ну если, конечно, речь идет не о тех, чье мнение для меня авторитетно – товарищей Сталина, Пономаренко, Анны и моего мужа). Но информация к размышлению – вот что-то тут не так, ну совершенно не по-советски. И отчего в столь «европейском» городе люди на улице одеты так убого? В Москве мужчины тоже нередко носят что-то в военном стиле – но именно подражая, уж я-то различу пошитое по фигуре, из более дорогой ткани и с «неуставными» деталями, а не потертые обноски и еще не в размер. А на женщин и смотреть печально – я, Анна, Мария, любая из наших девушек тут выглядела бы королевой, даже в своем повседневном, а не праздничном. И вряд ли дело в бедности – я уже знаю, что в СССР «тариф», то есть инженеры и рабочие при равной квалификации и должности получают одинаково, что в Москве, что в Одессе, а тут, Федоров нам ска-

зал, есть несколько больших заводов. И должны быть те, у кого заработок высокий – интеллигенция, начальство, их семьи. Интересно, в газетных киосках тут можно ли найти нашу «Комсомолочку»? Анна говорила, что ее даже в Харбин завозили (ленинградский «Силуэт» начал выходить уже после того, как моя подруга к своему Адмиралу ездила на Дальний Восток). Вроде мелочи – но когда-то на севере из похожего вышло вполне реальное дело «немецкой шпионки Веры Пирожковой»¹⁴.

Пора возвращаться, а то уже вечереет. И дует здесь на просторе, у меня зонтик вывернуло и платье треплет.

А завтра уже начнем снимать кино – мы же «Ялтинская киностудия».

Эпизоды из будущего фильма

Поляна в лесу. Двое. Один одет в стиле пятнадцатого века. Долгополый кафтан-жупан на шинель похож, только сабля на боку в современные реалии не вписывается. Второй – в джинсах и ватнике, как горожанин, выбравшийся на природу. Возьмется с какой-то аппаратурой.

– Ну, попали! Судя по настройкам, в год 1942-й. Вернемся, я всю группу подготовки разнесу.

– Слушай, как это вышло?

– Так хрононавигация наука неточная. Малейшая ошибка в расчетах, и привет. И слухи ходят о бурях в хроноэфире.

¹⁴ См. «Страна Мечты».

– И что теперь?

– Так, если посчитать... Плюсы, раз мы попали промежуточной станцией сюда, вместо планового 2012-го, то можем теоретически перебросить дальше, на коротком плече, гораздо больший груз. Не одного тебя, а даже четверых. Минус, что здесь и сейчас, сколько я помню, идет война – и если нас засекут, то все. Ты ведь знаешь, после включения и настройки аппаратуру двигать с места уже нельзя – канал оборвем.

– То есть нужна база. Желательно, хорошо защищенная. Совсем хорошо, если с помощниками и охраной.

– Найдется. Знаешь правило «наших быют – помоги»?

– Боеприпасов хватит? Их в обрез брали, для работы уже там.

– Как-нибудь управимся, не впервой. А проблемы будем решать по мере поступления.

Партизанская землянка. Те же двое «хрононавтов». И четверо партизан.

– За то, что вы нас выручили, спасибо, – говорит командир отряда. – Роту карателей – как корова языком. Но все ж, кто вы такие? На наших, из Москвы, не похожи. Инглиш?

– Словам не поверите, а потому я вам кое-что покажу, – отвечает тот, кто в джинсах, – смотрите.

Делает что-то с приборами. И прямо в землянке, на стене открывается окно в другой мир. Старинный, средневековый

город, узкие улочки, народ соответствующего вида.

– Это еще что за кино?

– Это не кино. А машина времени и пространства. Там год 1494-й. Туда можно сейчас шагнуть и войти. Туда нам и надо – ну, а сами мы пришли очень издалека. Москва, но год 2418-й.

– А вот мы сейчас и проверим, – решительно говорит командир отряда. – Петруха, за мной, свидетелем будешь!

И оба шагают в «окно».

Средневековая улица. Днем, у всех на глазах, прямо из воздуха возникают двое, странного вида. Но с красными звездами (дьявольскими пентограммами!) на шапках. Оглядываются по сторонам.

Священник, оказавшийся рядом, подняв крест, кричит: «Демоны! Сгинь!» Тут же подбегает патруль городской стражи с алебардами наперевес. Сбегаются толпа, вооруженная кто чем.

– Назад давай! – командир Петрухе. – Черт, а где дыра? Дыра рядом, но невидима. Шаг туда, сюда – не найти.

– Именем Господа нашего, изыди! – орет священник.

– Живьем брать демонов! – кричит начальник стражи.

И начинается бег наперегонки. По улицам, дворам, даже крышам. Под азартные крики – лови нечисть!

Из окна верхнего этажа женщина выплескивает ночной горшок. Попадает по стражнику, первому в погоне. Коман-

дир партизан кричит: «Гражданочка, спасибо!» Женщина (поняв, что происходит) орет: «Держите, ловите!» И роняет горшок, попадающий точно по каске другому стражнику.

По улице бежит черный кот, совершенно не замечая суеты. Партизаны пробегают мимо – кот, возмущенно мяукнув вслед, садится посреди дороги и начинает вылизываться. Погоня тормозит: «Демон, демон, сгинь!» Вперед проталкивается священник с крестом наперевес, кричит коту: «Изыди!» Стражник командует: «Несите сеть, живьем брать нечистого!» Тут из соседней двери выглядывает девушка: «Эй, служивые, вы что, это мой кот!» Забирает на руки зверька, уходит. Погоня бежит дальше.

Снова землянка. Комиссар отряда кричит «хрононавтам»:

- Да вытаскивайте вы наших скорее!
- Так не успеваем – бегают быстро!

Тут через «окно» суется бородатая рожа, крестится, орет «Нечистая!» и пропадает. Зато внутрь влетает бердыш и попадает куда-то в аппаратуру – искры, дым!

– Канал на аварийной, через минуту сдохнет! – кричит «джинсовый».

– Ах ты! – второй хрононавт вскакивает, высовывается через окно по пояс, машет рукой: – Сюда дайте!

И его как кеглю сносят влетевшие в землянку командир с Петрухой. Заодно опрокидывают стол, на полу куча мала из

тел и вещей. И на прощание влетает стрела и прищипливает шапку комиссара к доске.

– Отключай!

Окно гаснет. Петруха спрашивает:

– Это как? Они ведь там покойники уже давно.

Комиссар показывает ему пробитую шапку.

– А ты видел, как покойнички стреляют?

И обращается к хрононавтам:

– А если бы их поймали, что тогда?

– Да головы бы отрубили, как колдунам, согласно «Уложению о наказаниях» Польского королевства. Или на костре бы сожгли, это если бы Церковь подключилась. Или осино-
вый кол в сердце, и закопали бы.

– Они там что, хуже фашистов?

– Так ведь 1494 год – жизнь другая совсем.

Командир достает бутылку самогона, наливает стакан, залпом выпивает без закуски. И говорит:

– Ладно, товарищи, убедили. Раз вам туда надо. Чем мы можем помочь?

Люция Смоленцева

«Землянка» не была землянкой, как там с камерой развернуться и освещение обеспечить? Сделали декорацию в подвале Арсенала. Хотя в этом эпизоде я не участвовала, но из интереса сочла нужным присутствовать и смотреть. «Окно» было сделано из холста, а изображение на нем каким-то

методом комбинированной съемки. «Средневековый город» и погоню снимали, конечно, отдельно, в совсем другой день – просмотрев монтаж, режиссер остался недоволен и сказал, что если будет возможность, переснимет после, в каком-нибудь кремле, «вроде в Ростове или в Горьком натура есть похожая». Но пока пришлось довольствоваться тем, что есть.

Нашли место, которое могло бы внешне сойти за что-то старинное. Задекорировали и сняли – эпизод в пять минут экранного времени за полный съемочный день. Массовкой в этот раз были не солдаты (в сцене боя в лесу изображавшие и немцев, и партизан – ну а многочисленные немецкие трупы, живописно разбросанные по поляне, на самом деле просто куклами были), а нанятые здесь студенты. При съемке эпизода они часто смотрели прямо в камеру, что злило режиссера. Хотя бывало, что сами собой возникали удачные моменты. Так, уроненного горшка на голову стражника не было в сценарии. Как и кота, выскочившего на место съемок неизвестно откуда. Но режиссер, найдя их удачными, велел включить в фильм.

Читала, что он и там, в иной истории, отличался своими импровизациями на съемочной площадке. Потому на бедного кота было потрачено несколько дублей. Он просто дорожку перебежал перед погоней – а в перерыве вдруг сел и стал умываться, режиссер увидел и приказал: снимай скорее! И смонтировали после так, будто кот перед стражниками сел, а камера то на него, то на людей, как иллюзия одновремен-

ности.

А я смотрела и скучала. Поскольку моей роли здесь не было.

В перерыве ко мне подошла одна из девушек, местная (та, что ловила кота). Смущаясь, спросила, не я ли та самая Лючия, кто снималась в «Иване-тюльпане» и в «Высоте». Услышав мой ответ, смутилась еще больше. Затем спросила:

– А что, в Москве все такие красивые? И одеваются так же?

Красивые – это вопрос. Если тебя причесать, приодеть, сделать макияж, еще кое-какие мелочи – то выглядеть будешь вполне и по московским меркам. Уж если Ли Юншен привез из Китая сестричек, которые в буквальном средневековые жили, а у нас теперь даже на подиум выходят. Хотя Ганна (так моя собеседница назвалась) полновата немного для наших мерок, но обязательные занятия физкультурой быстро сделают ее фигуру, может, и не такой, как у меня или Анны (с телосложением ничего не поделать), но статной, в пропорции. И платья у нас в коллекции есть и на такой тип – пусть не мое любимое «тонкая талия, широкая юбка», а «трапеция» от плеча или прямого покроя с широким от колена. Что ж ты за собой настолько не следишь? Конечно, на студенческую стипендию не пошикуешь – но зачем же ходить в совсем не модном, истрепанном и чиненном много раз?

– У нас жизнь совсем другая. Еще батя мой маме гово-

рил – чем тебе новый платок, лучше что-то в хозяйство полезное прикупим. И Игоречек мой тоже говорил: Ганнуся, чем в кино сходить, давай я лучше на учебу себе отложу. Все на юридический хотел поступить, а денег не хватало, даже с льготой. Ну и правильно: мужчина-добытчик и крепкое хозяйство – это главное. А мне красоваться зачем – для мужа и так хороша, а посторонних привлекать видом – это грех.

Глупая ты. А я убеждена, что «лучшее украшение для любого синьора – это красивая и нарядная синьорина рядом». Вот как это по-русски сказать? И мой муж, мой рыцарь, с этим полностью согласен! А вздумай я с ним выйти так бедно одетой, он бы еще и подумал, что я на него обижена, или разлюбила.

– А кто у вас муж? Ой! Так вы та самая Смоленцева, что с итальянскими пиратами воевала? И ваш муж – тот самый Герой, и вы с ним вместе...

– Здесь он, – улыбаюсь я. Тайну не разглашая – поскольку личность Юрия Смоленцева в СССР уже широко известна, а бороду отращивать, чтобы внешность изменить, долго, то, не мудрствуя, решили вписать его в штат «киногруппы» под своей фамилией, главным военным консультантом. Армия (вернее, флот) – это ведь не госбезопасность, лишь наша принадлежность к «инквизиции» – это истинный секрет.

– Только я тогда своего Игоречка в Москву отпускать боюсь. Если там много таких, как вы. И он там про меня забудет. Он у меня тоже человек служивый. Только вот...

Она поколебалась чуть, а затем выпалила:

– Только арестовали его, не знаю за что. Но могу ручаться, он никогда ничего против советской власти не имел и, тем более, с уголовными не являлся. Товарищ Смоленцева, я слышала, вас сам Федоров принимает. Может, узнаете, за что моего Игорька – это, наверное, какая-то ошибка.

Ее Игорек – это не Горьковский ли, который Якубсона убил? Только не спугнуть – эх, Анну бы на мое место, но ее даже рядом нет на площадке, дела у нее какие-то в местном ЦК.

– Ну что ж, Ганна, я тебе помогу, как женщина женщине. Но только мне надо знать, за что его арестовали?

Что тебе прямо никто ничего не говорил, верю, а что ты ничего не замечала и ни о чем не догадывалась – нет. Влюбленные женщины очень наблюдательны и чутки.

– Да не знаю я! Одно лишь помню – он как раз накануне с Сергеем Степановичем встречался и был после какой-то не в себе. Но когда я после у Сергея Степановича спросила, он на меня даже накричал и прогнал.

Интересно. А кто такой Сергей Степанович?

– А он в университете кафедрой заведует. А еще нашим ребятам рассказывает, каким должен быть коммунизм. Я пару раз всего на тех собраниях была, не поняла ничего, необразованная я. Но точно помню, они там труды Ленина разбирали.

– А мне можно его послушать?

– Ой, не знаю. Сергей Степанович не каждого допускает – лишь по рекомендации кого-то из тех, кто уже... Говорит, что учение Ленина – Сталина слишком сложно для неподготовленного человека. За меня Игоречек ручался – ну а я вот не знаю, послушает ли он меня? Так вы про Игоречка узнаете?

– Что ж, сделаю что смогу. Только и от меня тебе совет. Ты про наш разговор лучше никому не говори. А Сергею Степановичу особенно. Так лучше будет.

– Ой, а отчего?

– Ну ты сама подумай. Если Сергей Степанович отчего-то не хотел, чтобы ты про Игоря своего узнавала, значит, он на тебя и обидеться может. А это надо тебе?

Париж.

19 августа 1953 г.

В дешевом кафе на окраине за столиком сидели двое.

– Товарищ Мануэль, мне ужасно неудобно, но я прошу вашей помощи, – говорил низкорослый молодой азиат, – поскольку без денег я вылететь не могу, и мои товарищи тоже. У меня отняли все и избili так, что я еле до квартиры дополз. Били ногами, дубинками и кастетами, целый десяток здоровенных громил!

И азиат потрогал здоровенный синяк на физиономии, под левым глазом.

– С вашей стороны было опрометчиво идти одному вече-

ром в таком районе, имея в кармане крупную сумму в долларах, – ответил его собеседник с едва заметным американским акцентом, – и странно тогда, что вы вообще ходите, после того как вас били вдесятером и тяжелыми предметами. В полицию заявили?

– А что бы ответили в полиции?! – воскликнул азиат. – «Вас что, уже убили? Тогда предъявите ваш труп, чтобы мы возбудили дело». Наверное, сейчас по полицейской статистике в Париже и во всей Франции резко сократилось число уличных грабежей – все банды поняли, зачем трогать мирных обывателей, если есть выходцы из Индокитая, чьи заявления в полицию даже рассматриваться не будут. Когда уже депутаты призывают с трибун: «А ну, поджарим вьетнамца!» Мы не вьетнамцы – но для толпы разницы нет, бей всех черных и узкоглазых. Даже у нас в Сорбонне теперь случается, нас оскорбляют и унижают – но хотя бы пока не бьют. Даже те, кто знает, что мы не вьетнамцы! И не имеем отношения к тому, что случилось в Сайгоне.

– Сколько? – оборвал его американец, которому разговор начал надоедать. – А вообще, это должны быть ваши проблемы. Мне что, еще и охрану для вас нанять, пока вы из Франции не улетите?

– Ну, хотя бы на такси добавить, – ответил азиат, – а то уже темнеет.

– Черт с вами, держите. Но если и это потеряете, будут точно лишь ваши проблемы. А мы найдем другого, более

осторожного. Зачем нам тот, кто даже свою безопасность не может обеспечить?

– Наш народ вас не забудет, товарищ Мануэль, – сказал азиат, – уже скоро... Мы не вьетнамцы – это лишь французы ради административного удобства объединили три государства в свою колонию Индокитай. А прежде мы и они никогда не подчинялись одной короне. И если вьетнамцы тяготели к Китаю и многое от него переняли, то мы во всем ближе к Индии. Мы построили храмы Ангкора, когда во Вьетнаме еще бегали по лесу голые дикари. Но вьетнамцы столетиями пытались нас поработить и присоединить к себе. И когда Франция обратила на нас свой взор, наш народ добровольно ей покорился, без эксцессов, – а вьетнамцы встретили европейскую культуру пулями и клинками, оказав жестокое сопротивление европейской цивилизации.

– Будущее покажет, – ответил американец, – мы даем вам шанс, так не упустите. Если хотите, чтобы после вас чтили как победителя, а не вспоминали как последнего неудачника. Хотя неудачников даже не вспоминают. Но торопитесь, пока у вас на родине не началось. Король Сианук уверяет, что за него готовы подняться сотни тысяч – и все ждут, что ответит Париж. Заманивать в свои ряды тех, кто вступает в борьбу, намного проще и дешевле, чем переманивать тех, кто уже принес присягу другому претенденту. У вас есть идея и сподвижники – и если там вам удастся хорошо разжечь, у вас будут и деньги, и средства для пропаганды, и ору-

жие в любом количестве. Но если хотите, чтобы мы от вас не отвернулись, постарайтесь не проиграть – неудачникам никто не дает кредита.

Азиат согласно кивнул. Представив открывшееся будущее – не долгий и упорный путь наверх, от мелкого функционера партии в вожди, а мгновенный взлет в лидеры собственной партии, имеющей мощную поддержку от величайшей державы мира. Однако же американец прав, дома может начаться в любой момент, так что лучше не экономить на билетах и лететь, а не добираться поездом до Марселя и дальше на пароход. Оставался лишь последний вопрос. По тому, как вел себя «товарищ Мануэль» в самом начале их знакомства, еще можно было поверить в интеллектуала, сочувствующего коммунистам. Но гарантировать поставки оружия, «включая танки и артиллерию», с американских военных складов в Таиланде мог лишь тот, у кого за спиной правительство США. И за океаном сейчас свирепствует комиссия по расследованию антиамериканской деятельности – ставить под удар свою карьеру не стал бы ни один сочувствующий интеллектуал, даже оказавшийся случайно на высоком посту.

– Отчего вы нам помогаете? Просто любопытно.

Конечно, правдиво не ответит. Но то, что скажет – тоже информация. Что захочет скрыть и как обосновать.

– Моя страна всегда считала своим долгом защищать мировую демократию, – произнес американец, – даже самые слабые ее ростки. У нас единственных из великих держав ни-

когда не было колоний, и мы не испытываем никакой любви к королям. «Все люди на земле созданы равными» – для нас это не пустые слова, а первая строка нашей Конституции.

Что ж, ответ ясен и так. Что там писал Маркс, или кто-то другой, про капитал, почуявший прибыль? Не секрет, что США всеми правдами и неправдами пытается влезть в колонии европейских держав, потеснив, а то и вышвырнув прежних хозяев. И выгода своих дельцов для тех, кто сидит в Вашингтоне, даже больше, чем классовая капиталистическая солидарность. Покупаете нас, решив из Камбоджи, а возможно, и из всего Индокитая свою «банановую республику» сделать? Что ж, вы забыли, что «услуга оказанная – не стоит ничего».

– Последний вопрос, месье, – сказал американец, – ваш оперативный псевдоним, под которым вас будут знать в Бангкоке наши люди. Согласитесь, что нашу связь лучше не афишировать, чтоб не нанести вред истинно коммунистической идее.

– Девизом нашей марксистской группы было «политика возможного», – ответил азиат, – по-французски – «политик потенциале». Пусть будет – Пол Пот.

– Окей, – сказал американец, – тогда всего хорошего.

Такси удалось поймать быстро – едва Салот Сар, выйдя на улицу, взмахнул рукой, как рядом остановилась машина.

– В Шестой округ, быстрее!

В общежитии товарищи ждут – можно было кого-то с со-

бой взять, но американец настоял, чтобы наедине. А то Париж за последнее время стал и в самом деле не слишком безопасным городом.

Он по-прежнему блистал, особенно в центральных округах – пытаюсь сохранить за собой славу культурной столицы Европы. «Стук немецких сапог по бульварам Монмартра» был забыт, как кошмарный сон, оставив лишь завершение, славную страницу освобождения героическими союзниками. Хотя, наверное, профессора истории в будущем станут спорить, как сегодня газетчики, имел ли генерал фон Колвиц приказ лично от фюрера в последний час взорвать Париж, не оставив от города камня на камне? Но ярко горели огни театров, кинематографов, ресторанов, модных магазинов – если у тебя есть деньги, то нет проблемы найти себе любое удовольствие, какое захочешь, дело лишь в цене. Несмотря на грозовые тучи над Францией, и даже им вопреки – если дела в торговле, промышленности и финансах не блестящи и к тебе завтра может прийти бедность, если твоего отца, мужа, брата, сына завтра убьют во Вьетнаме, и даже если завтра начнется атомная война (и что во Франции будет первой целью для русских Бомб – ну конечно же Париж), то жить стоит так, чтобы завтра было о чем вспомнить.

– Эй, а куда мы едем? Я же сказал, в Шестой округ!

– Не проедем по проспекту Итали, – ответил шофер, молодой человек в низко надвинутой кепке, – там час назад опять правые с левыми сцепились, полицией все перекрыто.

Чуть по кругу – зато спокойнее.

«Не будет во Франции революции, – подумал Салот Сар, – лишь бурлит и пенится, как брага. Социал-демократия Маркса обуржуазилась, и ее знамя подхватили коммунисты. Но теперь и они так же разложились, вместо борьбы думая о благосостоянии – и пришло время нам принять эстафету. Есть единомышленники и деньги – будет пропаганда. Есть пропаганда – будут массы. Есть массы – будет партия. Есть массы и оружие (если американцы не обманут) – будет армия. С массами, партией и армией – мы легко возьмем страну. А после начнем покорение мира – идеями, а тех, кто не станет слушать, и силой».

Ленин говорил, что сила партии в вере масс. В то же время русские (как и прочие европейцы) считают, что сила в знании. Но если вождь знает истинный путь, то неважно, понимают ли смысл те, кто идет следом. Напротив, попытка понять может родить сомнения – путь к смуте и измене. Поэтому, когда мы победим, все носители иного знания (живые или бумажные) должны быть уничтожены. Лишь вождю дозволено мыслить, прочие же должны подчиняться не рассуждая – глупцы считают это нашей слабостью, когда в этом наша подлинная сила. Путь к подлинному народному счастью – ведь как может быть несчастлив тот, кто не желает того, чего у него нет?

– Эй, а куда ты меня завез?

Какие-то трущобы, Тринадцатый или Четырнадцатый

округ. Район, где выходцу из Индокитая опасно появляться даже днем. Хотя и не убьют... возможно! После майских попыток погромов, когда банды маргиналов, пользуясь случаем, били и грабили даже истинных парижан и в Париж едва только войска не вводили – теперь же, по слухам, между полицией и «патриотами» согласие заключено, чтобы без убийств и тяжких увечий, если хотите, чтобы власти с пониманием относились к вашим патриотическим чувствам. Вот автомобиль в переулок свернул и остановился. И тут же появляется банда, крайне уголовного вида, настоящие парижские апаши!

– Вьетконговец, а на такси, – мерзко ухмыльнулся шофер, – значит, богатый. Или прячет что-то.

– Я не вьетнамец, я из Камбоджи!

– Чего верещишь, покажи карманы! О, да ты богач – у кого из честных французов украл эти деньги? На, получи! Еще, еще!

А затем вся банда погрузилась в то же самое такси и уехала. Зато сбежалась толпа. Что тут случилось? Да узкоглазого поймали. Не надо меня бить, мне и так уже досталось, и грабить нечего, отобрали все! Ну, а найти здесь постового полицейского и обратиться к нему с жалобой – будь Салот Сар парижанином, могло бы помочь, а выходцу из Индокитая сейчас – да не смешите!

Полиция позже сочтет хулиганской выходкой – не избивание какого-то азиата (пусть даже студента Сорбонны), а

угнанный автомобиль, найденный после у кладбища Жан-тйи. Виновных не найдут – да и не будут особенно стараться, по делу, не принесшему большого ущерба. Деньги исчезнут без следа – ну, если не считать цифру в строке «непредвиденные доходы» в отчете, заполненном в далекой Москве.

На следующий день вся компания Салот Сара в аэропорту Орли погрузится в «констеллейшин» рейс компании «Америка Эрлайнс» из Лондона в Сингапур, с промежуточными посадками, среди прочих, в Париже и Бангкоке. Ибо деньги, полученные от американца в первый раз, никто не отнимал – просто на общем совете было решено, учитывая криминогенную обстановку в Париже и явную заинтересованность «товарища Мануэля» в их миссии, попробовать получить еще. Так что на билеты и текущие расходы хватило.

А кто тогда поставил своему товарищу такой роскошный бланш на физиономии? Товарищ Иенг Сари – ведь чего не сделаешь ради высоких партийных интересов.

Еще одним следствием инцидента была отныне лютая ненависть Пол Пота к французам, на том же уровне, что покойного фюрера германской нации к евреям. На всю оставшуюся жизнь.

Разговор в советском посольстве в Париже, тот же вечер

– Товарищу Жакобу объявить о неполном служебном. Как допустили, что Доктор со всей бандой улетел из Парижа?

– Так мы же предлагали еще весной решить проблему раз и навсегда. Что тут на майские творилось, еще одним или хоть десятком трупов каких-то индокитайцев никто бы не озаботился. Сами же нам запретили.

– Сверху виднее. Могу предположить, что вспомнили, что говорит марксизм о роли личности в истории – не этот человек, так другой. Но это с тебя и Жакоба вины не снимает – чьи информаторы докладывали о финансовом положении Доктора и его группы?

– Ошиблись, накажем. Напомню, что и неделю назад операция по изъятию денег была нами полностью подготовлена – однако информация, что кто-то нас опередил, казалась достоверной. Выходцу из Индокитая сейчас в Париже ну очень небезопасно – полиция по отношению к ним фиксирует лишь сам факт совершения преступления и ничего не предпринимает. Если только прямо перед полицейским участком не бить.

– Так откуда у Доктора взялись деньги, помимо американцев? Или кто-то в здешней компартии ведет двойную игру?

– Нет, это мы уже проверили. Пока предварительно – но очень похоже, что Доктор из партийной казны не получил ни единого франка. Возможно, было что-то криминальное. Известно, что вьетнамцы тут в ночных клубах опиум продают – для богатых любителей острых ощущений. Однако же Доктор и его окружение в связях с этим ранее не были замечены.

– Или вы проглядели. Доклад пишите. И посмотрим, что

в Москве решат!

Валентин Кунцевич.

Львов, 19 августа

Товарищи из местного ГБ копают – а мы кино снимаем, в ударном темпе.

В бесконечно далекой жизни двадцать первого века случилось мне поговорить с мужиком, снимавшимся у Сергея Бодрова, название забыл, там про медвежонка было и девушку из цирка¹⁵. В массовке он там одним из охотников был, что по лесу бежали в самом начале фильма, убивая медведицу. Короткая сцена, меньше минуты, – а тот человек рассказывал, снимали ее целый день, с кучей дублей, подбирая ракурс, мизансцены, освещение, выехали из Питера по Приозерскому шоссе в лес на какой-то километр с раннего утра, назад их привезли в третьем часу ночи¹⁶. У нас с временем и бюджетом похуже – так что приходится спешить.

У Пономаренко задания с двойным или тройным дном, как у некоего персонажа Бушкова. Не имитация съемок кино, ради выявления университетской крамолы, а подлинные съемки. И не просто фильм про древнюю историю, казаков и панов, а еще и какая-то деза нашим западным «друзьям». Оттого и посланцы из будущего – двое, как у Кира Булычева, чтоб сильно сценарий не менять. И про изменения истории –

¹⁵ «Медвежий поцелуй».

¹⁶ Этим «охотником» был я. Но на экране, к сожалению, себя не нашел.

дается прямой намек, что наша временная линия единственная, что в прошлом изменишь, в будущем отразится, коль уж Чародея надо вытянуть в светлое будущее в последний момент перед гибелью, и никак иначе, ведь отчего у нас в истории нет ничего ни про осаду Дрогобыча поляками, ни про смерть Чародея? А не доехал он до города, погоня его настигла, но живым взять не смогла. И решено было, из политических соображений, дело не раздувать, просто исчез бывший профессор Кракова и ректор Болоньи в этих лесах, как не было его. Хотя, наш феномен обсуждая, пришли здешние научные светила к выводу, что время наше «параллельное», расщепилось мироздание на линию ту, от года 2012-го (значит, сейчас там год 2023-й?), и эту, которую мы сейчас по своей воле гнем, и будущее ее не определено никак. Пытались мне подробнее объяснить, только не понял я ничего, не учили меня «гнусной теории Эйнштейна» и всему, что еще дальше за ней. И ладно – профессионалам науки я на слово верю.

Эпизод на лесной дороге. Век неясен – лес, он и пятьсот лет назад лес. Едет всадник средневекового вида, а через минуту за ним, настегивая коней, несутся еще с десятков, картинно размахивая оружием. Догонят, убьют – но из кустов бьет пулемет, для МГ-42 полсотни метров по групповой мишени на узкой дороге – это просто смешно. Один только разбойник, скакавший последним, кого тела его подельников заслонили от пуль, успевает метнуться в лес и удрать. А из

леса голос, вслед первому всаднику:

– Эй, пан Донат! Разговор есть! Не бойтесь, мы друзья.

В засаде были первый из гостей (кто и был для того снаряжен), а также трое партизан – все те же командир и его ординарец Петруха, и еще снайперша Таня с винтовкой СВТ (роль Лючии). «Разбойниками» были солдаты из приставленной к нам охраны – кавалерия себя не изжила еще, остались в дивизиях роты и взводы конной разведки, там ребята бывалые, толковые, и даже джигитовке обучены, так что изобразить «убитых» под пулеметом (стреляли, понятно, холостыми), сумели вполне похоже. И сразу, в том же пейзаже, объяснение гостя с Чародеем, что приглашаем вас в светлое будущее жить, где никого не жгут и давно установили, что Земля вокруг Солнца вращается, и вообще, наука – это самое уважаемое дело. Дело сделано – и отправляемся все по своим мирам и временам? Да нет – фильм лишь начинается.

Не хочет Чародей сейчас с нами, очень надо ему в Дрогобыч. И силой не увести – он кинжал достал и себе к груди приставил, вот не пойду я с вами, как бы вам ни был нужен! Оказывается, есть в том городе девушка, с которой у Чародея была переписка, причем не о любви, а на высокоученые темы (а почта в Польском королевстве в то время уже была – конечно, для тех, кто мог заплатить). И теперь «пани Анну» обвинят в колдовстве и сожгут – а он такого допустить не может. В первоначальном сценарии было, что тут он нашу «Таню» видит – по сюжету, двойника своей возлюблен-

ной. Но тут я вмешался как консультант – кто в прикрытие назначен, должен там и сидеть, вдруг еще кто-то из врагов подкрадется? Тем более один из погони удрал – а если он окажется берсерком, как «бойцовый кот»? Потому снайперша должна бдить невидимкой, а не выскакивать на базар со всеми. Стругацкий пытался возражать, уж очень интересная сцена выходила, но тут я встал насмерть – по жизни такое в группе с боевым опытом невозможно никак, а фильм смотреть будут и те, кто недавно воевал. Так что пришлось в итоге нашему гению сценарий править. И Лючия на меня обиделась, – слушай, ты ведь тоже не только актриса, тебя твой Юрочка чему учил?

В итоге гость соглашается – через три дня мы вас вместе заберем. Объясняет после командиру, что не было бы прока от силой увезенного, ведь гений – это тонкая натура, в клетке не творит. Командир в сомнении головой качает:

– Не знаю, как у вас, а у нас есть такое слово «надо», и все личное побоку.

– А у нас по-другому. Если коммунизм – это свобода каждого, вместе со служением всем.

Интересное кино выходит. Это ведь для наших советских людей будет сказано, кто фильм посмотрит? Что вовсе не обязательно всегда с самоотречением, как на войне?

Лючия Смоленцева

Партизанка Таня – это я. И пани Анна из пятнадцатого

века это тоже я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.